

Макс Неттлау

**Очерки по истории
анархических идей**

Оглавление

От древних веков до начала XIX века	3
От начала XIX века до смерти Прудона (1865)	15
* *	25
* *	28
* *	33
Бакунин, Бельгийские интернационалисты и коллективистический анархизм с 1864 до начала семидесятых годов	35
* *	46
Период 1871–1890 годов	52
* *	58
Значение произведений Кропоткина. Период 1890–1911 годов. Заключение: период до 1931 года	69

От древних веков до начала XIX века

Предварительный набросок этого исследования по истории анархических идеи не лишен будет, вероятно, некоторого интереса. Сущность и цель этих идей может быть определена, как любовь к нашей собственной свободе и к свободе всех других людей, как вера в то, что взаимное уважение и чувство общей солидарности постепенно заставят их вступить на путь личного и коллективного устройства более справедливой и гармоничной социальной жизни.

Считается уже установленным, что очень медленно раннее развитие человека ускорилось позднее, когда применение инструментов сделало возможным регулярный труд и увеличение народонаселения. Эти и другие факторы привели к оседлой жизни и возникновению собственности, дали преимущества тем, кто проявил физическое и умственное превосходство, а также и умение захватывать собственность. Этим началась долгая эпоха власти и частной собственности, длящаяся еще и до сих пор. Но эпоха эта проходит, как показывают происходящие в жизни перемены и новые тенденции, тенденции к большей свободе и солидарности, которые преодолевают привилегию и монополию. Эти тенденции ведут к все более полным достижениям, и идеалы анархистов стоят на линии этого развития, а более высокие формы их далеко впереди.

Очевидно, что у первобытных дикарей не могло быть представления о таком систематическом развитии. Их жизнь управлялась обычаями, возникшими на еще более ранних стадиях развития социальной жизни. Эти обычаи смешались с правилами, основанными на превосходстве начальников и собственников, укреплялись ими, а также подчиненной им поднимавшейся кастой жрецов, кастой воинов, торговцев и пр. В этих условиях свободы не было нигде, она была задавлена обычаями и сокрушена привилегиями. Деспотизм и тирания были всемогущи в течение долгого периода, и только в редких случаях, наиболее благоприятно развивавшиеся страны, как Греция, сбросили тиранию и на время создали демократию. Но демократия не долго просуществовала, ибо Греция была завоёвана сначала Македонией, а потом Римом. Часто вспыхивали бунты, и свобода в теории считалась высочайшим идеалом.

Социалистические стремления и глубокие экономические причины для этих стремлений также существовали, но очень редки были идеи, не проникнутые авторитарным духом. Разумеется, у всех этих народов были религиозные предрассудки и множество богов, существовавших много столетий. От этих богов им также предстояло освободиться.

Однако, несмотря на все эти физические и умственные препятствия, золотой век, патриархальная жизнь минувших дней, легенды о бунте против богов, от Сатаны (любимого героя Бакунина в Библии) до Прометея, ясно говорят

об анархических стремлениях, о тяге к полной свободе и устранению причин социального неравенства.

Такие стремления содержатся в народных песнях, воспевавших борцов с властью и привилегией, от бунтарей до воров. И те, и другие изображались мучениками, и о тех, и о других с сочувствием говорили те, кто был слишком слаб, чтобы им подражать. Из этих традиций многое утрачено, ибо не было отмечено официальными хроникерами, бывшими на стороне власти имущих, или же извращено позднее в народном уме жрецами, изображавшими эти традиции, как греховные. Даже путешественники и этнографы более недавних времен редко бывали подготовлены для того, чтобы обратить внимание на такие традиционные идеи и понять их, как пережитки свободы. Они рассматривали полу-политические учреждения и установленные власти, как цивилизацию, а привычки к свободе как остатки дикости. Лишь изредка некоторых дикарей изображали, как образцы честности, не нуждающейся в законах, так было, когда краснокожие индейцы и таитяне приехали в XVIII веке во Францию. Задолго до современного развращенного и порабощенного общества, в древней Греции и даже в гордом Риме, некоторые «варварские» народы ставились гражданам в пример писателями, выступавшими в роли суровых критиков нравов.

В эпоху, когда угнетение было повсюду, неизбежно было, что свобода понималась просто, как независимость, которую надо было постоянно защищать. Поэтому многие сами становились сторонниками власти, тиранами и диктаторами, приводя в свое оправдание необходимость самозащиты. Это приводило только к тому, что на место старой тирании возникала новая, сначала малые государства, которые завоевывались более крупными, а те еще большими, и в этом кругу мы вращаемся до сего времени.

Но всегда находились люди, мечтавшие о том, чтобы выйти из этого круга, осуществить мир и добыть свободу для всех. Другие стояли за права личности, подавленной обычаем и притесняемой законом. Среди этих людей мы и должны искать ранних анархистов.

Таким образом, обзор этнографии, писаной истории, мифологии, фольклора, местных хроник, ранних восстаний вольницы, деревенских обычаев, ранней поэзии и философии могут, вероятно, открыть много затерянных следов анархизма, если устранить недоразумения и извращения, нагроможденные авторитарными исследователями. Эту работу надо тщательно выполнить, и она не замедлит пополнить наше понимание прошлого, которое во многих отношениях всё остается с нами и никогда не перестанет быть с нами.

В области восточной философии только либеральный философ Лао-Цзы подвергался изучению, но его «Простой путь» принимает всякий раз иной вид при каждом новом переводе, и в переводе д-ра Уларина в «Ревью Бланш» (Париж), он оказывается совершенно либертарным. Александра Давид, путешественница по Китаю и Тибету, встретила однажды «китайского Штирнера»

(«Меркюр де Франс,» 1 декабря 1908 г.) и написала об «Индивидуалистических теориях в китайской философии». Все это настоятельно требует дальнейшего исследования.

Греческая философия так подробно была исследована, что подпочвенные течения, возникавшие в стороне от государственных ультра-патриотических течений, не могли остаться незамеченными. Несмотря на то, что постоянно заявляли, учили и философски доказывали тезис о зависимости личности от государства, убеждая, что родной город или государство лучше всех других, что мудрый и добродетельный должен приказывать, а мелкота должна только повиноваться, несмотря на это, всегда возникали обратные течения, и свобода личности, человечность, право жить по своей воле считались многими гораздо более высокими идеалами. Отдельные философы, дерзавшие мыслить так независимо, встречали пренебрежение к себе со стороны официально признанных философов, и труды их либо погибали, либо сохранялись только в виде отрывков.

Таков был Антифон, на которого только теперь обратили внимание (см., напр., Лурье, «Антифон, творец древнейшей анархической системы», Москва, «Голос Труда,» 1925 г., 160 стр., и того же автора «Предтечи анархизма в древнем мире», Москва, 1926 г., 245 стр.). Таковы же Аристоппос, основатель гедонической школы, и даже знаменитый историк Зенон (342–270 г. г. до Р. Х.), противопоставивший авторитарной системе Платона хорошо продуманное изложение полного и глубоко обоснованного анархизма.

Известно, далее, что уже в пятом веке до Р. Х., помимо местных законодательных мероприятий, теоретически разрабатывались многими принимались в качестве желательных также и общие принципы: так называемое природное право первое провозглашение прав человека, проникнутые лучшими намерениями, широкие эгалитарные и либертарные принципы, исповедовавшиеся и дальше развивавшиеся великой стоической школой. Позднее эти принципы признавали желательными путеводными нитями даже римские законодатели и законники. Под названием «естественного права» эти принципы переходили в средние века от одной юридической школы к другой. Еще позднее, в XVII веке, они стали основой международного права (Гуго Гроциус), закона народов, попыткой хотя бы теоретически признать добрую часть человеческих прав. Правда и то, что те же самые законники делали все, что могли, чтобы оправдать действовавшие местные законы, выражение воли власть имущих, и стремились всеми способами нарушать естественное право. Но без этой предостерегающей идеи естественного права положение было бы гораздо хуже. Эта старая традиция неписаного естественного права была для многих исходной точкой для гуманитарной и революционной мысли и борьбы.

Не сознательный анархизм, конечно, но чувство, что существующий общественный строй только искусственное приспособление для данного места и времени, тогда как настоящим строем был бы только справедливый либер-

тарный строй это чувство постоянно было у лучшей части человечества на протяжении 2 500 лет.

Всякое определенное выражение анархизма выросло на этой почве на почве чувства, что существуют более высокие права и более высокие взаимные обязательства между людьми, чем привилегии и предписанные законом отношения людей в наши дни.

В то время как ясный ум греков и римлян преодолевал уже их традиционную мифологию, соприкосновение этих народов с Востоком заразило их новым и сильным религиозным чувством. От Митры до Иисуса Христа и в течение многих еще веков человеческая мысль двигалась только в религиозном одеянии, жестоко подавляемая догмами, влиянием жрецов и государственной властью. Свободная мысль развивалась только среди так называемых «еретиков», а также в очень малочисленных группах научных исследователей, которые подпольно, контрабандою, добывали необходимые книги и приборы для изучения и опытов. Они поддерживали тайную связь друг с другом до тех пор, пока их не обнаруживали и не изгоняли или предавали казни.

Некоторые из них, как гностик Карпокрот из Александрии (Египет), исповедовали и проповедовали свободнейшую форму коммунизма и отрицание всякого писаного закона, во втором веке. Нам не известно о других таких течениях на протяжении тысячи лет периода, в течение которого только религиозные ортодоксы владели пером, писали светские и духовные документы и хроники. Только законники, стоявшие на стороне власти, заведовали гражданскими делами. Поэтому о жизни в городах, где науки и искусства, торговля, ремесла и городское самоуправление уже начали развиваться, начиная приблизительно с одиннадцатого века, мы знаем слишком мало.

Однако, если погрузиться в массу документов, оставленных этими темными веками, то, вероятно, можно было бы найти еще много отдельных незаметных проявлений свободной мысли, неизвестных восстаний и пр. Кстати, исследования проф. Допша показывают, что в ту эпоху было гораздо меньше разрушения и перерывов преемственности, чем обычно принято думать.

Как бы мало внимания ни уделяли пристрастные законники и хроникёры этим фактам проявлений свободной мысли, как бы ни извращали ее, следы их остались. Трудно передать, до какой степени всякая писаная литература (прежде чем книгопечатание сделало эту задачу затруднительной) была продуктом официальных, признанных патриотических и религиозных служителей и защитников преобладающей власти. Вся она была враждебна каждому соседу, каждой другой нации и другой вере, с пренебрежением относилась к слабым и ненавидела смертельно бунтарей. Они пользовались свободой действий в течение веков и уничтожали или извращали показания в пользу другой стороны. Но тем больше показаний в пользу свободы могут дать исследования.

Так, например, после того, как было исследовано учение Амори из Бэна (1204 г. после Р. Х.) и Ортлиба из Страсбурга, и пр., следовало бы тщательно

изучить «Братьев и Сестер Свободного Духа», группу еретиков XIII века, отрицавших всякие обязанности по отношению к существующему обществу, его законам и обычаям и ведших свободную жизнь на свой собственный лад. Также надо было бы изучить связь таких антигосударственных групп, если возможно, с религиозной антигосударственностью Петра Челсицкого, богемского Толстого гуситского века. В смягченной форме, от Челсицкого ведут свое происхождение Моравские Братья, а от них начинаются автономные коммуны, развивавшиеся в восемнадцатом веке в Силезии, а затем в Соединенных Штатах, где они существовали при зарождении многочисленных коммунальных поселений, развивавшихся в позднейшее время и послуживших местом опыта внегосударственного социализма.

Восстание гуситов, будучи в основе своей движением националистическим, было первым сознательным агрессивным восстанием, вызванным сожжением Гуса на костре. Гуситы не пожелали быть уничтоженными, подобно альбигойцам, и стали распространять национальную и социальную войну и на соседние страны. Отсюда заимствовало свою силу движение анабаптистов, столетие спустя, а потом в XVI веке, борьба против римско-католической церкви была поддержана государствами северной Европы, желавшими присвоить огромные накопленные богатства Церкви. Это, наконец, ослабило духовную силу религии, превращая ее в орудие государства, а в кальвинистских странах, где развивалась торговля и империализм, в силу, оправдывавшую и вдохновляющую войны и завоевания. Только тогда, оживленная знакомством с вновь открытыми классическими Римом и Грецией в XV веке, наука начала завоевывать себе право на открытое существование и в XVI веке сделала гениальные открытия, в XVII начала приобретать необходимые инструменты, в XVIII отбросила насильно на неё надетую маску подчиненности религии (французские энциклопедисты и пр.) и в XIX веке пришла, наконец, к периоду зрелости.

Эти века открытий и завоеваний, восточных войн, западных войн за преобладание на континенте, религиозных войн, начала капитализма и машинизма, были веками, прежде всего, авторитарной эпохи, изменившими почти все устройство власти и администрации, государства и границы, производительность труда, численность населения и т. д., и не оставили ни места, ни возможностей для подлинно бескорыстной свободы и солидарности, объединяя население воедино только фанатизмом веры, национальности и торговых интересов основу еще более сильного развития в том же направлении в XIX и XX веках.

Таким образом, в этом веке господства силы, хотя социализм не раз изображался в утопиях, начиная с 1516 г., он все же не принял либертарных черт, не стал выразителем анархических стремлений, за исключением редких случаев, среди которых некоторые замечательны и стали хорошо известными. Даже в средних веках, несмотря на их суровость, под конец стали развиваться, хотя и в узких рамках разделенного на касты общества, более свободные обычаи

и более живое общение, которое видело себе угрозу в новой, жестокой и деятельной жизни начала XVI века. В этом духе, как последний взгляд назад, на более легкую жизнь умирающей эпохи, французский священник Франсуа Рабле в своем «Гаргантюа» описал Телемское Аббатство, где знаменитый лозунг «делай что хочешь» был основным правилом жизни, правилом «поступай, как тебе нравится». Это были слова, подсказанные здравым смыслом и веселым юмором, единственные в таком духе слова, высказанные в эти века мрачного фанатизма, когда религиозная диктатура над умами, ослабевшая в обиходе позднейшего католицизма, снова овладела народами в эпоху, протестантской Реформации, погони за золотом и завоеваний новых континентов, и подавила все более прекрасные чувства.

В эту эпоху порабощение и упадок становились всё хуже: по мере того, как укреплялось государство, правила бюрократии, иезуиты и их протестантские противники господствовали над умами, восставшие крестьяне сокрушались повсюду и постепенно загонялись в мануфактуры, предшествовавшие фабрикам, где они образовали бесприютный и лишенный собственности пролетариат. Сильный своей численностью, пролетариат сломил относительную независимость городских ремесленников и создал деление на два только класса имущих и неимущих.

Тогда молодой Этьен де ла Боэнци, в юго-западной Франции (1530–1563), в своей знаменитой «Речи против добровольного рабства», опубликованной только в 1577 г., призывал к сопротивлению тирании путем отказа в повиновении ей. Этот справедливый призыв встретил и продолжает встречать пренебрежение к себе, ибо каждый продолжает делать то, что делают все, вместо того, чтобы всем отказаться от повиновения раз и навсегда. Человечество имело тогда очень мало опытов коллективного бунта только отделение плебеев от патрициев в древнем Риме и уход их из города, остановивший всю городскую жизнь и заставивший патрициев уступить. Боэций написал еще один призыв. Сильвен Марешаль в 1788 г., еще раз напомнил о примере Рима накануне французской Революции, Торо в половине XIX века выступил в защиту «Гражданского неповиновения» только в 1930 г. мы видим индусов Восточной Индии, применяющих на практике такое восстание.

Сейчас оно, по-видимому, распространяется на Египет. В Европе было с полдюжины таких случаев, длившихся всего дни или часы, когда режимы рушились со всеобщего согласия, когда все отказывались поддерживать тот или иной режим. Так был свергнут Наполеон III в Париже 1 сентября 1870 г., так царизм был покинут всеми живыми силами в России в октябре 1905 г. и марте 1917 г., так немецкие королевства и княжества низложили своих властителей в 1918 г., так Испания заявила о своем нежелании поддерживать далее диктатуру Примо ди Ривера в январе 1930 г. Так редки случаи, когда власть вызывают на борьбу и наносят ей поражение силою общественного мнения. Несмотря на героизм меньшинства и отдельных лиц, эти случаи продолжают быть редкими.

Такие действия меньшинства имеют место, главным образом, там, где нестерпимая нищета и угнетение доводят до отчаяния и вызывают бунты. Таковы бунты крестьян в большинстве европейских стран против крепостного права, а также политические восстания, местные гражданские войны из-за власти, вроде восстаний испанских федералистов и автономистов. Таковы и попытки Джерарда Уинстэнли и диггеров в Англии (1652 г.) отнять землю у земельной аристократии, либертарных анабаптистов в Антверпене, которым посвящена книга Георга Экгуда. В XVII веке некоторые религиозные секты отказались платить налоги и потребовали невмешательства в их религиозные дела. Среди этих сект наиболее замечательны квакеры, которые добились успеха ценой многих страданий и тяжелой борьбы.

В американских колониях, рядом с пуританской нетерпимостью, был дан высокий пример терпимости в те годы (1654–57), когда губернатором Род-Айленда был Роджер Вилльямс. Однако, именно там и в то время Вилльям Гаррис, проповедовавший, по-видимому, полное отрицание «всех земных властей», подвергся преследованию. Приблизительно около того же времени Плокбой в Голландии, а позднее, в 1695 г., Джон Беллерс в Англии, Роберт Уоллес (1761) в Шотландии, проповедовали конструктивный и экспериментальный социализм, т. е. социальные учреждения, основанные добровольными союзами.

Столетия прошли, прежде чем позднейшие средние века увидели в стороне от могущественных авторитарных организаций и от железной власти обычаев и законов постепенное развитие добровольных союзов. Некоторые из них были связаны с рыцарством и организациями менестрелей (бродячих певцов), имели в своих рядах и рыцарей, и ремесленников, связаны были с учеными гуманистами века Возрождения, с многочисленными артистами и искусными ремесленниками, с местными академиями во многих итальянских и других городах, с обществами, интересовавшимися, главным образом, естественной историей и научными исследованиями (таких обществ много было в Англии XVII века), с оккультными обществами, среди которых в ходу было много нелепых выдумок, но которые несмело еще стремились к человеческому братству.

В XVIII веке союзы соприкоснулись с гораздо более ясными либеральными целями франкмасонства, распространявшегося во всех странах с быстротой лесного пожара, и с иллюминатами, братством, имевшим весьма определенную задачу: борьбу с властью имущими. После всего этого, после усиленной подготовки умов свободомыслящими гуманистами и чрезвычайно либеральной пропагандой людей века Энциклопедистов, которые сами по себе уже представляли большую силу, как Вольтер и Руссо, Революция 1789 года, начавшаяся взятием Бастилии, была уже неизбежным результатом. Старой власти был брошен вызов, и она была сокрушена в значительной степени.

До этого предела дошло коллективное усилие, но помешать установлению новой власти оно было не в силах. Эта задача была еще недостаточно понята. Люди, определенно отвергшие принцип всякой власти, будь то король, поп,

народный вождь или делегат, или хотя бы сам народ, пытающийся создать власть, такие люди слишком малочисленны, слишком редки, слишком мало сосредоточены на этой великой идее.

Результат ясен: им не удалось убедить народ, и революция приняла, поэтому, авторитарный характер и окончилась военной диктатурой, Наполеоновской империей, жестокой реакцией, периодом Реставрации 1815–1830 г. г., после которой только Июльской революции 1830 г. (замечу мимоходом, что сейчас никто, по-видимому, не спешит праздновать столетие этой революции) удалось отчасти ослабить рост новой власти, но только отчасти, не больше того.

Тем не менее, не лишены интереса воспоминания о людях либертарной мысли, живших в период от XVI до XVIII века, насколько их удалось обнаружить: ибо, как всегда, сторонники власти видели в них опасность для себя и обходили их молчанием или извращали их мнения. Авторы утопий почти все глубоко увязли в авторитарные нравы окружающей среды, и только Габриель Фуаньи в своей книге «Приключения Жака Садера, его путешествие и открытие Астральной Земли» (1676) описывает воображаемую страну без государства и законов, а население изображает двуполым (гермафродиты). В других книгах общественный строй без государства и законов изображался редко, например, в книге «Человек на луне» (1648) или в «Республике философ» (1768), также в «Мондо-Савио» (1562). Крестьяне Балтики в широко распространенной книге Фенелона «Приключения Телемаха», троглодиты в «Персидских письмах» (1721), маленькая республика Абеназара в немецких книгах Г. Ф. Ребмана (1794), все это либертарные страницы, но книги в целом не блещут передовыми идеями. Исследования, а также и случайное чтение многих забытых книг несомненно умножит это число известных нам проблесков либертарной мысли в разных закоулках. Социальная критика была уже весьма зрелой в XVIII веке. Кроме того, свободная философская мысль и острое сознание необходимости разрушить старый строй заставляли стремиться к созданию нового человечества на совершенно новых началах.

Наиболее свободным мыслителем был Дидро, хотя он и не сосредоточил свои анархические взгляды в одном определенном произведении чего никто еще не сделал (за исключением маленькой книжки Берка, 1756 г.) и, вероятно, не в силах был или не посмел сделать на континенте Европы. Дидро рассыпал свои мысли во многих своих писаниях, в одном из которых встречаются ставшие навсегда знаменитыми строки: «природа не создала ни слуги, ни господина я не хочу ни давать, ни получать законы». Дом Дешан, бенедиктинский монах, в восемнадцатом веке пришел к анархическим взглядам в рукописи, выдержки из которой были напечатаны только в 1865 г., и этот случай еще не вполне исследован, насколько мне известно. Также Лессинг, немецкий классик, в своих последних произведениях, а особенно в диалоге «Эрнст и Фальк», выразил антигосударственные взгляды. Также философы

Фихте, Краузе и Вильгельм фон Гумбольдт в своих «Мыслях о попытке определить границы действий государства» (1792), выдвинули теорию сужения сферы государственного управления до крайнего минимума (признанного необходимым), как это сделали также Томас Джефферсон, а позднее Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер и другие в XIX веке.

«Оправдание природного общества» (Лондон, 1756), написанное непостоянным Эдмундом Берком, остается неразрешенным вопросом. Каждая глава ее кажется современному читателю-анархисту порицанием старого общества и пламенным восхвалением свободного общества. Все это объясняется тем, что автор ясно видел, как народ всегда обманывали политически и стригли социально все привилегированные сословия. Но сам Берк, вскоре после того, указывал, что его очерк имел целью высмеять передовые идеи указанием на то, до каких крайностей и для «респектабельного» читателя нелепостей эти идеи доводят. Является ли это благовидной уловкой ренегата отвергнуть то, что он писал, когда мыслил честно, или же Берк говорит правду, и его «Оправдание» всегда было только насмешкой над всеми передовыми идеями и социальными чаяниями бедняков? Таким образом, влияние этой маленькой книжки (если она когда-либо имела его) было вскоре подорвано самим автором.

Много лет спустя, после того, как американская война и французская революция вызвали такое возбуждение передовой мысли в Англии, от Томаса Пейна до молодых поэтов Саути, Кольриджа и других, мечтавших о «Пантисократии», (Телемское Аббатство Рабле также, по-видимому, не было забыто в то время), «Оправдание» вновь стали читать, и политические и социалистические писания 70-х, 80-х и 90-х годов, хотя и демократически-авторитарные, по большей части, также, пожалуй, содержали проблески либертарной мысли. Следовало бы изучить эту литературу, ибо Вильям Годвин, родившийся в 1756 г., близко соприкасался с ней и она, вероятно, оставила след на его взглядах.

В то время, если не считать Дидро, не решившегося, к несчастью, высказаться за полную анархическую свободу против авторитарности Руссо и ограниченного либерализма Вольтера, не было никого, кто открыто исповедовал бы анархические идеи, вплоть до 1789 г., за исключением Сильвена Марешаля (1750–1803), парижского писателя и библиотекаря, который, начав с пасторалей и слегка эротической поэзии (1770), стал певцом золотого века пастушеской жизни в Аркадии и анархической патриархальности (1782–1784 г. г.). Но он был также наиболее агрессивным писателем против фикции Бога, за что и попал в тюрьму. В его «Современных апологетах» (1788) чувствуется приближение революции, и он выступает с почти неприкрытой защитой социальной генеральной стачки и полнейшего равенства. Революция застала его на самом крайнем левом крыле, но ни единого шага вперед: он был не менее авторитарен, чем все остальные, и не выступал в защиту подлинной свободы. Позднее, в манифесте Бабефа и других заговорщиков он написал знаменитую фразу: «исчезните, возмутительные различия между правящими

и управляемыми», которую Буонарроти, авторитарный коммунист, отверг с таким негодованием в своей речи на суде по делу Бабефа, его собственному и других, когда дело шло об их жизни. Таким образом, бурные волны Французской Революции увлекли с собой Сильвена Марешаля, еще ранее бросившего вызов власти и потом вернувшегося к своему идеалу, когда прошла буря, хотя зарождавшееся могущество Бонапарта помешало развитию его таланта до полной зрелости, а ранняя смерть унесла его в 1803 г. Можно по справедливости сказать, что то, чего он не сделал, не сделал и никто другой, другими словами, ни один анархический голос не прозвучал во время Революции. Ни один такой голос не стал известен и, во всяком случае, не дошел до нас. Все было построено на авторитете, государственности, централизме, уравнительстве, и всякое требование автономии, федерации, дифференциации, простора и свободы считалось изменой патриотическому единству государства, принципам равенства и повиновения декретам патриотических Законодательных Собраний, их комиссиям и всем местным комитетам.

Без сомнения, каждая фракция хорошо видела авторитарные проступки лиц, стоявших у власти, и временами это очень хорошо и логически изображалось, например, Леклерком, из группы Жака Ру в «Друге Народа» от августа 1793 (вскоре после этого группа была разогнана), но сами критики были сверхавторитарными людьми и сами поступали так же, когда приходили к власти.

Французская Революция, закончившаяся империей, непрерывными войнами до 1816 г. и годами реакции до июля 1830 г., несомненно, усилила государственную власть, заменив слабое аристократическое государство Бурбонов, государство паразитов, сильным милитаристическим государством Наполеона, который умел побеждать чужие страны и привозил в Париж их богатства в качестве добычи. Отсюда возникла басня о социально-полезном государстве, которое построило наилучшие дороги, защищало ремесла и торговлю и заключало самые выгодные договоры с другими государствами. Возродился уравнительный национальный патриотизм и гордость, повиновение власти, которая в некоторых местностях выполняла полезные обязанности, устранив прежнее нерадение и произвол привилегированных.

Все это образует основу современного государственного социализма, обширные системы которого были задуманы людьми, жившими в те авторитарные времена. После 1815 г., при ненавистном строе Бурбонов эти люди обращались мыслью к славной эпохе Робеспьера и Наполеона Бонапарта с тем большей нежностью, что они не чувствовали уже более ее неприятных сторон гильотину и ненасытного Молоха постоянных войн. Сознательно или несознательно, они пришли к мысли, что социализм может быть установлен декретами могущественных Собраний, что он может управляться и регулироваться верховными комитетами и, если нужно, может быть насильно введен и укреплен военными диктаторами.

Именно этот авторитарный характер социализма сделал его так мало при-

емлемым для человечества XIX века, ибо сверх-авторитарный период с 1789 до 1830 г. создал стремление к либерализму и смягченным формам общественной жизни. Социализм понимали, как диктатуру революционных комитетов. Разумеется, буржуазия отвергала социализм с точки зрения интересов собственности и прибыли, как тигр не согласился бы быть посаженным на молочную диету, да чего и было ждать от нее. Но одновременно возраставшие интеллектуальные силы человечества, наука и техника, так грандиозно развившиеся в XIX веке, по крайней мере, часть представителей этих сил, чувствовали влечение к либеральным формам социализма и не желали видеть его скрытых или открытых диктаторских форм. Даже Фурье остановился на полдороге, будучи либертарным по своим практическим идеям, по своему мировоззрению, и авторитарным по природе своей, ибо люди, пережившие те времена, все были отмечены. То же самое, я думаю, может быть сказано о Роберте Оуэне, в котором промышленная революция Англии, с ее победным ходом машинизма, развила не менее авторитарные черты, чем Французская Революция и империя в Сен-Симоне и Фурье. Что же касается Бланки, Кабе и Луи Блана, то в них, как эпигонам, культ авторитета был тем сильнее, чем дальше они были от личного опыта. А что сказать о Карле Марксе, который пришел после всех и жил абстракциями, к которым живое человечество должно было приспособиться, хотело оно того или не хотело?

Только один тонкий наблюдатель и острый мыслитель наблюдал начало революции во Франции и, к счастью, тут же писал свою обширную книгу (XIII+895 стр.), прежде чем авторитарные черты революции резко выступили наружу. Это был Вильям Годвин (1756–1836), который издал свой замечательный труд, первое полное изложение анархизма в одной из его прекраснейших форм «Исследование относительно политической справедливости и её влияния на всеобщую добродетель и счастье» (Лондон, февраль 1793), переиздававшееся несколько раз, хотя и в несколько измененной форме, а в последние годы только в извлечениях и сокращениях. О жизни Годвина, исследованной тщательно (но главным образом, в связи с его знакомством с Шелли, на которого «Политическая справедливость» оказала сильное влияние, оставившее следы на его произведениях) С. Киган Полем, а недавно еще Брауном и многими другими, наиболее ранний период его исследования и опыты, давшие ему возможность написать монументальную его «Политическую справедливость», наименее исследован и требует дальнейшего изучения. Книга дала весь ожидавшийся результат, сразу стала классическим произведением радикальной литературы и предметом изучения для всех передовых мыслителей на целых пятьдесят или шестьдесят лет. Книга была переиздана в Филадельфии (1798) и привлекла к себе значительное внимание. Издателем ее был Георг Форстер, германский ученый, совершивший путешествие вокруг земли с капитаном Куком и побудивший молодого Александра Гумбольдта посвятить себя науке. В издании принимал участие также католический мистик Франц Баадер. Первая часть

была переведена на немецкий язык (1803), а Бенджамен Констан подготовил французский перевод, который не появился. Но, вообще говоря, книга не была известна в других странах и ее идеи не излагались нигде в те годы. Таким образом, в других странах публика никогда не имела возможности сравнить «анархический социализм» с авторитарным социализмом стольких других известных авторов.

В «Политической справедливости», которую я не собираюсь здесь ни излагать, ни разбирать, анархизм разворачивается перед глазами читателя по мере того, как автор, изучая условия более высокого человеческого совершенства, сам, по его словам, все более убеждается, что правительства только препятствия на этом пути развития. Он видит ход умственного развития и желает строить дальше на той же основе, постепенно приходя к свободнейшему анархическому коммунизму. Такая постепенность не есть призыв к умеренности, но предостережение против диктатуры и постоянный призыв к моральным и интеллектуальным усилиям, которые убеждали бы и пробуждали бы волю к энергичным попыткам.

Эта книга, если бы её сделали основой серьезной пропаганды в первой половине XIX века, могла бы стать наилучшим обоснованием анархического социализма. Это не было сделано или было сделано не так, как следовало, и авторитарный социализм, половинчатые варианты Фурье и Роберта Оуэна, получили большое распространение. Отчаянное сопротивление фабричных рабочих, душе и жизни которых угрожал машинизм, либеральная и национальная агитация на европейском континенте и движение за реформу, имевшую целью сломить парламентскую монополию британской аристократии, все это также отвлекало и поглощало энергию борцов.

Таким образом, до первых годов XIX века анархизм существовал, как интеллектуальное подпочвенное течение, начиная с эпохи древней Греции, и в форме «Политической справедливости» создал в 1792 году замечательное по мастерству первое изложение своих целей и средств. Но как массовое движение, как революционный фактор, он еще не существовал в то время, не по своей вине, а потому, что люди, погрязшие в авторитарности с незапамятных времен, в то время еще только выходили из авторитарного кризиса. Деятельный век лежал перед ними, как неисписанная ещё страница. Посмотрим же, что они написали на этом чистом листе бумаги.

От начала XIX века до смерти Прудона (1865)

В Великобритании, уже раздраженной потерей американских колоний, старой системе преобладания аристократии угрожало народное демократическое восстание, назревавшее после 1789 года под влиянием событий Французской Революции. Только тогда подымавшаяся буржуазия, укрепившаяся и разбогатевшая, благодаря развитию машинного производства и морской торговли, стала на сторону правительства, которое дало ей вооруженную защиту против фабричного пролетариата и демократически-настроенных городских ремесленников, и дало флот для охраны морских торговых путей.

Начались судебные преследования против тех, кто сочувствовал делу французских революционеров, и эти преследования стали многочисленны и жестоки. Только оправдание судом присяжных намеченных жертв большого лондонского процесса (1791) предотвратило, к счастью, дальнейшее ухудшение положения, остановив дальнейшие преследования. Однако, была инсценирована одна из тех больших газетных кампаний, какие мы наблюдаем и в наши дни: «анти-якобинская» кампания, на протяжении целых годов настраивавшая общественное мнение против всего реформистского и революционного, народного и демократического, французского и иностранного. Разумеется, некоторые убежденные и упорные демократы, социалисты и свободомыслящие стойко сопротивлялись. Но идеи, для своего распространения требовавшие спокойного и открытого обсуждения, как, например, анархические идеи, впервые изложенные Вильямом Годвином в 1793 г., не могли уже более обсуждаться, их гнусно извращали антиякобинцы, а революционеры, доведенные преследованиями до таких настроений, которые в наше время назвали бы большевицкими, считали анархические идеи слишком умеренными и мягкими. Они были более склонны к террористическим выступлениям, к устройству заговоров и другим предприятиям трагического характера, кончавшимся казнями и ссылками, начиная с заговора полковника Деспара (1803) и до двух дел Артура Тислвуда (1817, 1820).

Сам Годвин отошел от этой борьбы к менее компрометирующим литературным трудам и только, много лет спустя, был несколько затронут беспредельным энтузиазмом молодого Шелли, ненадолго вызванном в поэте идеями «Политической справедливости» и хорошо обоснованными Годвином принципами свободомыслия. Но Шелли, подобно более сильному Байрону, подвергся преследованию со стороны тогдашнего общественного мнения и кончил жизнь в добровольном изгнании. Роберт Оуэн, со своей цепкой настойчивостью, практической складкой и материальными средствами, занимал более прочную позицию, чем кто бы то ни было из других ранних социалистов. Но и он был,

в конце концов, внесен, в каталог общественного мнения, как изменник и человек безнравственный, опасный для религии и семьи и таким образом был вытеснен из круга людей, привлекавших к себе общественное внимание. Таким путем было подорвано влияние либертарных идей в Англии.

Позднее оно возродилось только однажды, благодаря великодушному Вильяму Томпсону, автору «Исследования о принципах распределения благ, наиболее способных сделать людей счастливыми . . .» (Лондон, 1824, XXIV+600 стр.) и подробно разработанного труда о конструктивном социализме, выпущенного в 1830 году под заглавием «Практические указания». Он преждевременно умер в 1833 г. Его учение приняло позднее формальный характер под влиянием холодных резонеров, ограничившихся идеями добровольного экономического сотрудничества на основе строгой взаимности, как, например, Джон Грей, автор книги «Социальная Система: трактат о принципе обмена» (Эдинбург, 1831, XV 4–374 стр.) и других произведений. Иногда эти резонеры приходили к мысли о постепенном и добровольном устранении государства, подобно Герберту Спенсеру («Социальная статика», 1850 г.), Джону Стюарту Миллю («О свободе», 1859 г.) и другим. Позднее, еще более формальный индивидуализм, без всякого социального содержания, развился из этих идей. Это направление лучше всего представлено произведениями Оберона Лерберта, младшего сына лорда Кэрнарвона. Эти произведения не совсем лишены некоторого антигосударственного содержания. Эти же идеи повлияли на многих радикалов, помешали им, когда они стали социалистами, некритически уверовать в государственный социализм, особенно в марксизм. Этот полезный результат нашел себе, однако, противовес во многих других результатах, вследствие возраставшего влияния националистического патриотизма и теократического этатизма Мадзини, которыми прониклись молодые английские радикалы пятидесятых и шестидесятых годов. Это влияние Мадзини разрушало либертарную традицию, в течение полувека выросшую из великого произведения Годвина.

В Соединенных Штатах особенно в восточных штатах социальные условия все более ухудшались. Городской пролетариат был поглощен экономической самозащитой, организацией чисто-профессиональных союзов и борьбой за условия труда. В то же время в западных штатах сохранялись еще почти нетронутыми условия жизни первых пионеров, а в средней полосе все еще оставалось место для социальных опытов, добровольных общин всякого рода и для соответствующих этому положению разнообразнейших религиозных, экономических, сексуальных, либертарных и других идей.

Роберт Оуэн и здесь был глашатаем идей. Он организовал колонию «Новая Гармония» в 1825 г. В этом опыте приняли участие около 800 человек, получивших в свое распоряжение около 28 000 акров хорошей земли, свыше миллиона долларов и землю, уже возделанную продолжительной работой одной религиозной колонии. Однако, результаты были неудовлетворитель-

ны. Исходя от этих результатов, один из членов колонии, Джошуа Уоррен из Бостона (1798–1879), пришел к резкому отрицанию обычных для таких коммун принципов: безграничной солидарности и сотрудничества. Он выдвинул принципы единоличной работы, прямого обмена по себестоимости и строгой взаимности. Эти принципы Уоррен стал применять на практике, создав в 1827 г. в Цинциннати распределительный склад. Он стал рекомендовать повсеместную организацию точно таких же складов колониями, основанными на справедливом обмене продуктов и услуг. В этом духе он вел пропаганду на страницах первой анархической газеты в Соединенных Штатах «Мирный Революционер» («The Peaceful Revolutionist») в Цинциннати (1830), написал книгу «Справедливый товарообмен» (1846), «Практические подробности справедливого товарообмена» (1852) и проч. В течение больше, чем пятидесяти лет, он неутомимо вел пропаганду. Идеи Уоррена привлекли на его сторону Стефана П. Эндрюса, который разработал эту систему индивидуализма, главным образом, вопросы о политической и сексуальной независимости в книгах: «Наука об обществе: истинная конституция правительства при суверенитете личности» и «Стоимость, как предел цены. . .» (1851), а также «Любовь, брак и развод» (1852). Эти идеи настойчиво развивались очень упорными пропагандистами и пропагандистками, как Лизандр Спунер, В. Б. Грин, Эзра М. Хейвуд, Мозес и Лилиан Харман. Они достигли наибольшего распространения, благодаря деятельности Б. Р. Таккера (родился в 1854 г.), автора, переводчика, издателя и редактора «The Radical Review» в 1877 г. и «Liberty» (Бостон, позднее Нью-Йорк, 1881–1907).

Эти идеи в той или иной степени оказали влияние на движение в пользу земельной реформы, начиная с сороковых годов и вплоть до выступления Генри Джорджа, а также на движение в пользу монетной реформы. Они повлияли также на многие прогрессивные движения в антигосударственном направлении. Однако, эти идеи совсем не были наполнены социальным содержанием, и хотя они должным образом отвергли государственный социализм, зато они же одновременно отвергли и все социальные реформы анархизма (коллективистический и коммунистический анархизм) и особенно идеи Б. Р. Таккера были направлены к решительному дискредитированию этих форм анархизма. Это кончилось тем, что движение анархистов-индивидуалистов было отрезано от общего социально-революционного движения, а раскол лишил эти идеи возможности оказывать постоянное и растущее влияние, как раз в настоящее время, когда каждое антигосударственное движение так необходимо.

Факты свидетельствуют о том, что эти идеи, естественно выраставшие в пионерскую эпоху Джошуа Уоррена, сто лет назад, искусственно и чисто отвлеченным путем прививались Таккером и его поколением позднейшей и современной нам капиталистической Америки. Во время Уоррена на Западе, при обилии земель и минимуме государственного вмешательства и экономического давления, люди могли подниматься до среднего уровня экономического

равенства. Они могли бы применять на практике принцип добросовестной взаимности и взаимной солидарности, если бы они этого действительно хотели. Но даже и при таких условиях ненасытная жадность немногих или многих увековечила бы взаимное недоверие. Сознательные люди, ведущие себя честно, были бы обречены на разочарование и изоляцию, если не на исчезновение. При всяких иных условиях современной жизни самые элементарные попытки встречали препятствие со стороны привилегии и монополии, государства и всемогущего капитала, и взаимность становилась невозможной. Это лишило индивидуалистический анархизм, проповедовавшийся Таккером, всякой почвы для действия, закрыло для него всякую социальную среду, где он мог бы применяться, отняло у него возможность связи с жертвами общественного строя, для которых свобода соглашения и надежда на взаимность были не более, как насмешкой.

В Европе Прудон (1809–1865), хорошо знакомый с французским централизованным государством, на его глазах подавлявшим местную жизнь, и с социалистическими системами, носившими принудительный и попечительный характер, в равной степени отрицавшими свободу личности, уже в 1840 г. отверг и государство, и эти системы («Что такое собственность?» Париж, 1840) и стал проповедовать экономическую организацию индивидов и ассоциаций для применения на практике принципов справедливого обмена и создания, путем федерации и соглашения, частного экономического общества, которое могло бы также практически организовать социальные функции государства, в то время, как не-социальные, принудительные функции современного государства были бы признаны просто вредными и упразднены путем отнятия у государства общественной поддержки; таким способом, государство было бы ликвидировано, как бесполезный и вредный организм.

Прудон, сам будучи рабочим, видел перед собой высоко развитый французский буржуазный и государственный режим и знал силу ассоциации и сочетания сил, практикуемых буржуазией и в сороковых годах все еще недоступных рабочим. Он, кроме того, всегда был настоящим социалистом, чувствовавшим гнет привилегированных и требовавших равенства условий жизни. Прежде всего он был ученым, в течение 25-ти лет своей социалистической деятельности с 1839 до 1864 г., постоянно погруженным в социальные проблемы и всегда изучавшим новые возможности великого перехода от власти к свободе, от вынужденного подчинения к соглашению равных, от монополии к переходу продуктов в пользование самих производителей. Его острый взор пронизывал вопрос о национальностях («О федеративном принципе и необходимости восстановить Партию Революции», Париж, 1863, XVIII+324 стр.), и в своем посмертном труде он наметил новую политику рабочего класса («О политической способности рабочего класса», Париж, 1865, VI+465 стр.).

В то время, как в Америке анархический индивидуализм окостеневал на пути от Уоррена до Таккера, сочинения Прудона, его столь разнообразная

переписка, посмертные произведения и анализ тактики авторитарных революционеров, напечатанные в его больших периодических журналах в 1848–50 г. г., до сих пор сохраняют жизненность своих либертарных идей и вдохновляют всех европейских анархистов. Смело можно сказать, что подобно тому, как в Англии распространялись идеи Годвина, а в Соединенных Штатах, в описанных выше узких пределах, идеи Уоррена, так во всех других странах анархическая мысль распространялась и развивалась, главным образом, на основе интеллектуальных влияний, более или менее исходивших от Прудона.

На деле, однако, деятельность Прудона всегда встречала огромные препятствия среди передовых групп и партий во Франции. В сороковых годах все авторитарные социалисты были его ожесточенными противниками, а он был таким же их противником. В революционный и республиканский период 1848–1851 г. г. критика Прудона не привлекла к себе внимания, ибо народ был увлечен идеями государственного социализма Луи Блана, революционеры вообще нейтральным якобинством, крестьяне и другие широкие слои народа бонапартизмом, и все вместе верою в правительство. Только молодой журналист Ансельм Белльгарриг, побывавший в Соединенных Штатах, Нью-Орлеане и в районе Миссисипи и пораженный тогдашней простотой американского городского и правительственного механизма, особенно по сравнению с французской бюрократией, выступил с мыслью о ликвидации правительственного аппарата и самоуправления, основанного на суверенитете муниципалитета (общины). Ежедневная газета «Цивилизация», издававшаяся в Тулузе в период с марта до декабря 1849 года, два больших номера журнала «Анархия» (Париж, апрель и май 1850 г.), несколько брошюр и других изданиях Белльгаррига и его друзей проповедовали это отрицательное отношение к французскому правительственному организму. В то же время эти издания воздерживались от поддержки какой бы то ни было социальной доктрины. Они, таким образом, отрывались от народных движений, но ими не пренебрегали политические мыслители: ибо иллюзорность веры в правительство и избирательной политики все более и более влияла на передовых мыслителей. Взамен парламентаризма они изобрели прямое представительство (Риттинггаузен, Консидеран, Ледрю-Роллен в период 1850–51 г. г.) и другие способы упрощения и децентрализации правительственного организма. В то же время, в области экономики, государственному социализму Луи Блана были противопоставлены планы федеративных ассоциаций (Константин Пекер) в сороковых годах. Еще раньше того, в тридцатых годах, фурьеристами была выдвинута идея о «сосьетарной коммуне», блестяще изложенная Консидераном в его «Судьбе общества» (1837, 38, 44), и т. д.

Однако, все эти даровитые, образованные меньшинства не могли помешать Луи Бонапарту собрать урожай с посева идей авторитарной республики и объявить себя императором Наполеоном III, действуя по образцу своего дяди, императора Наполеона I, сделавшего свою добычу из авторитарной рес-

публики 1792 г. При Наполеоне III националистическая политика получила преобладание. Буржуазные и якобинские демократы и республиканцы поддерживали этот национализм, как их отцы поддерживали политику завоевания, проводившуюся первым Наполеоном.

Только Прудон с честью противостоял этому искушению и предостерегал против национальных войн и неурядиц, начавшихся с 1859 г. и до сих пор рвущих Европу на куски и разоряющих ее. Прудон проповедовал федерацию, как это делал позднее и Бакунин, в 1867 г. Таким образом, в 1859–1863 годах, как и в 1848–1851 годах, Прудон возвысил свой предостерегающий голос и стал самым ненавистным человеком как раз для тех партий, которые считали себя наиболее передовыми в социальном и политическом отношениях.

Но много рабочих прислушивалось к нему (1863–1864 годах), и он резюмировал свои советы им в посмертном произведении, указанном выше. Его безвременная смерть (19 января 1865 года) оставила после себя пустоту, ибо все его друзья и ученики специализировались на отдельных частях его учения, ни один из них не мог заместить и дополнить его, подобно тому, как Анфантэн и Базар дополнили Сен-Симона, как Консидеран дополнил Фурье, и так далее. Верморель и Левердей обладали величайшими способностями, но обстоятельства помешали полному признанию их заслуг в то время. Кроме того, здесь надо упомянуть, что коллективизм победоносно развивался в те годы, в конце 60-х годов, заполняя пустое место, оставленное последователями. Прудона, и пропитывая все движение социалистическим духом, как это будет показано ниже.

Прудон привлек к себе большое внимание в Германии со стороны всех выдающихся социалистов того времени, от Карла Маркса до Макса Штирнера, а также радикальных философов вроде Арнольда Руге, социалистических философов и радикальных политиков вроде М. Гесса и Карла Грюна, ученых и музыкантов, вроде Карла Фохта и Рихарда Вагнера, и многих других. Все они считали государство вредным и ненавистным и все надеялись увидеть его устраненным, ликвидированным и исчезнувшим, хотя они и расходились по вопросу о способах и ближайших шагах для достижения этой цели. Мы видим, что таким же образом государство осуждалось и пренебрежительно оценивалось Пи-и-Маргалем в Испании (1854), английскими писателями в 50-х годах, писателем Писаканэ в Италии и т. д. Свое огромное развитие идея государства получила только благодаря политическому честолюбию бонапартистской Франции, национальному патриотизму Кавура, Мадзини и Гарибальди, благодаря польскому восстанию 1863 года, благодаря роли Пруссии в датской и австрийской войнах и американской гражданской войне (1859–1866 годов). В те годы изучение принудительного характера государственной власти, которым занимались почти все передовые мыслители от 30-х до 50-х годов, было придавлено густым слоем национализма. Позднее, начиная с 70-х годов, ту же роль играло открытие социально-охранительного характера государства.

Государству стали щедро приписывать всякого рода социальные функции, чтобы создать впечатление, что оно необходимо. С того времени развитие непрерывно шло ретроградным путем вплоть до всепоглощающего и всем управляющего фашистского государства.

В 40-х годах Макс Штирнер опубликовал (декабрь 1844 года) свою книгу «Единственный и его собственность». В этом произведении он дал теорию совершеннейшего индивидуализма. При ближайшем рассмотрении эта теория оказывается глубже и богаче социальными чувствами, чем это принято думать. Неправильно выводить какой-нибудь вульгарный эгоизм из учения Штирнера. Он считал, что социальное освобождение зависит от интеллектуального и морального подъема личности, понимающей, чего требует её личный интерес, как не способна какая бы то ни было внешняя власть позаботиться о нуждах личности и как добровольное социальное сотрудничество лучше всего это может сделать. Другие, как Гесс и В. Марр, соединили учение Прудона с коммунистической экономикой и приблизились к анархическому коммунизму, или пропагандировали прудоновский мутуализм.

Пи-и-Маргаль, молодой каталонский республиканец, в период временной политической свободы, которая могла бы быть названа испанским 1848 годом, а именно, в период в 1854–1855 годов, напечатал знаменитую книгу «Реакция и Революция», политические и социальные наброски (Мадрид, 1854 г., 424 стр.) первый и единственный том, заключительная часть которого, однако, датирована 27 августа 1855 года. Эта редкая книга была перепечатана в 1928 году в «Revista Blanca» (Барселона, 478 стр.). Автор доказывает суверенность личности и заключает из этого, что ни один человек не должен обладать властью над другим человеком, ибо между суверенными существами могут быть только соглашения, договоры. Власть и суверенитет (автономия) друг другу противоречат. Власть, как социальный базис, должна быть заменена договором в качестве социального базиса. Этого требует логика. Демократия, говорит он, начинает допускать суверенитет личности в качестве своей единственной возможной основы, но всё ещё отвергает ту анархию, которая является следствием, не могущим быть отвергнутым. Поступая так, она приносит логику в жертву интересам минуты. Человек суверенен, власть же есть отрицание суверенности. Таково мое революционное понимание. Я должен уничтожить власть. Такова моя цель. Таким образом я знаю, какова моя исходная точка и какова моя цель, и я не колеблюсь.

В этом рассуждении Пи-и-Маргаль и его памятная книга стоят рядом с тремя наиболее замечательными книгами начала 50-х годов: «Социальная статика» Герберта Спенсера (Лондон, 1850), «Наука об обществе: истинная конституция правительства в суверенности личности» С. П. Эндрюса (Нью-Йорк, январь 1851 г.) и «Общая идея революции в XIX веке» Прудона (Париж, 1851). Совершенно не вероятно, чтобы Пи-и-Маргаль не знал этих книг и не был бы под влиянием их, не вдохновлялся бы ими прямо или косвенно,

пополняя их своим богатым испанским опытом и своими прирожденными каталонскими склонностями к автономии.

В 60-х годах Пи-и-Маргаль и другие перевели важнейшие произведения Прудона, и эти произведения, вместе с книгой «Реакция и революция», были умственной пищей испанских федералистов-республиканцев, часть которых, в большинстве состоявшая из очень развитых ремесленников, была также затронута движением в пользу социальных ассоциаций, которое созрело среди испанских рабочих уже в 40-х годах. Таким образом, эти рабочие, стоявшие между Пи-и-Маргалем (который впоследствии втянулся в республиканскую политику) и Прудоном (социальное учение которого не удовлетворяло их), были хорошо подготовлены к восприятию чистого анархизма, связанного с, полным социализмом (коллективизмом), который Бакунин изложил им в 1868–1869 годах, как мы это увидим ниже.

50-ые годы дали еще другое замечательное социальное произведение, итальянские «Saggi sulla Rivoluzione» (Очерки революции в книге Карло Писаканэ «Saggi storia politici-military» Исторические, политические и военные очерки, Женева 1859 и Милан 1860, 4 части). Писаканэ, офицер и участник итальянских войн и восстаний 1848–1849 годов, независимый мыслитель и критик, стоявший в стороне от Мадзини, погиб, сражаясь в отчаянной попытке поднять революцию в тогдашнем неаполитанском королевстве (Июнь 1857 года). Он оставил после себя упомянутые очерки, которые были правильно отредактированы, но так как они не понравились централистам, сторонникам власти и буржуазным националистам, то они были искусно изъяты из обращения. Как раз в период 60-х и 70-х годов, когда они особенно были бы полезны, чтобы показать, как дороги были либертарные воззрения признанному национальному герою, их сделали недоступными. Но Джузеппе Фанелли, товарищу Писаканэ, в 1857 году эти воззрения были хорошо известны, и в середине 60-х годов Фанелли стал ближайшим итальянским товарищем Бакунина. Фанелли был также тем человеком, который зимою 1868–1869 годов получил от Бакунина и его друзей поручение ознакомить с их идеями испанские кружки в Мадриде и Барселоне, как раз те круги ремесленников и промышленных рабочих, где идеи Пи-и-Маргаля, Прудона и других социалистов пользовались большим уважением и которые были вполне подготовлены к восприятию бакунинских идей в изложении Фанелли, друга Писаканэ. «Свобода и ассоциация» такова формула, резюмирующая цели Писаканэ. Он отвергает традиционные формы правительства, как непозволяющие истинной свободе развиваться. Лучшими гарантиями свободы для него являются автономные общины с соответствующими участками земли и ассоциации рабочих, которым доверяются надлежащие средства производства, но земля и средства производства остаются во владении коллектива.

Коллективистический анархизм, излагавшийся в 60-х годах Бакуниным и другими, близко подходит к системе Писаканэ. С этой системой учение Баку-

нина расходится в одном пункте: по мнению Бакунина необходим промежуточный организм между коммуной и коллективом для защиты изолированной коммуны, а именно округа или провинциальная федерация коммун, в то время как Писаканэ, помня о вражде и соперничестве многочисленных итальянских подразделений, стремился положить конец всякому роду подразделений и хотел осуществить это путем коммунальной автономии.

Из этого краткого обзора серьезных, антигосударственных тенденций в Англии, Соединенных Штатах, Франции, Германии, Испании, Италии, вплоть до 1860 года, в произведениях подлинного цвета политических мыслителей, социальных ученых, социалистов и выдающихся деятелей искусства и науки, мы можем заключить, что эти тенденции были и до сих пор остаются подлинным результатом, цветом прогрессивной мысли, несмотря на временные остановки в ее развитии, вызванные общим ходом событий, начиная с 1860 года. Препятствия были и до сих пор остаются очень серьезными.

Исторически эти препятствия были неизбежными последствиями усиления капитализма путем развития техники, фабричной системы и других факторов, начиная с конца XVIII века. Это развитие капитализма доставило большие преимущества в области промышленности в западной Европе: Англии, Франции, Бельгии. Политически разьединенные и слабые государства Германии и Италии стремились к государственному единству и национальной независимости, к экономическому развитию, свободному от английского импорта и от французской политической опеки. Отсюда эра национальных войн с 1859 г. до 1871 года. Отсюда столкновение национальных чаяний на востоке Европы, главным образом славянских народностей, нашедших себе выражение в мировой войне, и создание новой карты Европы после 1918 года с 36 государствами вместо 25, с 20 тысячами километров пограничной линии вместо 13 тысяч, с 30 образцами монет вместо 18. Эти перемены за время с 1918 по 1930 год принесли такие результаты, что в настоящее время дальнейшее деление считается нежелательным. Наоборот, коллективные группировки в форме пан-Европы, или в менее крупные объединения являются предметом серьезного обсуждения. Экономическая жизнь требует простора, а деление по национальному признаку не всегда может обеспечить этот простор. Экономически удушаемые страны создают международную депрессию. Прудон в своих произведениях и письмах 1859–1863 годов предвидел все это. Приближается время, когда справедливая федерация станет очередным вопросом.

Рабочие были физически ослаблены, и духовно искалечены грубой жестокостью развивавшейся машинной цивилизации. В то время, как британские тред-юнионы, делая огромное усилие, защищали рабочих не без успеха, в других странах, с другой исторической основой, это казалось невозможным, и единственным фактором, способным регулировать и смягчать худшие эксцессы эксплуатации, было государственное управление путем законодательства и охраны интересов граждан. Это объясняет поспешность, с которой конти-

ментальные социалисты стали добиваться на выборах влияния в парламенте, с целью проведения реформ и законодательной охраны труда, начиная от Луи Блана и Люксембургской комиссии в Париже в 1848 году и от агитации Лассалья за всеобщее избирательное право и государственную помощь в 60-х годах в Германии. После того, как события шли таким ходом в течение 70 лет, нам ясна теперь обманчивость этой отчаянной попытки доверить интересы рабочих государству, которое в первую очередь является опорой власти и капитал имущих и, в равной степени, оказывается защитником своих собственных интересов, т. е. интересов огромной и крепко организовавшейся бюрократии. Государство лишило силы все социалистические партии, которые на него опирались и дало рабочим, в обмен на их социалистический энтузиазм, выразившийся в миллионах избирательных бюллетеней только жалкую подачку в виде кой-какого законодательства, которое рабочие, при других обстоятельствах, с таким же успехом завоевали с помощью тред-юнионистской политики и синдикалистского прямого действия. Кроме того, там, где государству присвоены еще более широкие социальные функции путем частичной социализации, или, как в России путем управления всего, что жизненно в экономической и социальной жизни, или, как в современной Италии путем разделения населения на средневековые категории, результаты оказываются плачевными и нестерпимыми. Таким образом и здесь, если мы окажем разумно организованное противодействие, то окажемся почти у конца неудачной эволюции и могли бы избавить себя от необходимости испить до дна горькую чашу государственного всемогущества, в то время как неспособность государства так очевидна. Здесь также 70 лет опыта в ложном направлении создали невозможное положение: раздувшийся организм государства, производящий наименьшее количество полезного труда с наибольшими издержками и громоздкость бесполезной государственной машины с огромной бюрократией и милитаризмом, постоянная опасность войны и удушения нормального хода экономической жизни. Поэтому, должны быть основания для надежды, если анти-государственная идея вновь станет проповедоваться с той же силой и талантом, как в дни Прудона, Герберта Спенсера и многих других, к которым должны быть причислены лучшие представители либертарной этики, такие люди, как Торо, Уолт Уитмен, Эдуард Карпенгер и Л. Н. Толстой.

Анархизм имел ещё другой источник роста в первой половине XIX века, а именно: он развился из наиболее законченного и свободного истолкования и осуществления коммунизма.

Если коммунизм назначает «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям», то для понимания этого требуется самая полная свобода. Это делает всякий регулированный и авторитарный коммунизм противоречием, нелепостью. Это и был наиболее значительный недостаток «икарианского» коммунизма Кабэ, так настойчиво пропагандировавшегося со времени напечатания «Путешествия в Икарию» (Париж 1840), а также и коммунизма Бабефа и Буонарроти, несколько более либерального коммунизма Дезами и проч. Группа парижских рабочих провозгласила это во всеуслышание и подняла знамя свободнейшего коммунизма, т. е. анархического коммунизма. «Гуманист, орган социальной науки», два больших номера которого вышли в июле и августе 1841 года, был их органом. Этот журнал был запрещен, группа была предана суду и разбита путем преследований, к которым присоединилась вражда со стороны Кабэ и всех других респектабельных, авторитарных коммунистов, которые считали, что их коммунистическая монополия нарушена этими коммунистами, анархистами, атеистами, врагами семьи, людьми, стремившимися сделать из жизни наслаждение. Жан Жозеф Мей, Ж. Шаравэй, Паж наиболее известные члены этой маленькой группы. Им хорошо был знаком анархизм, обоснованный в XVIII веке Сильвеном Марешалем. Их газета содержит чрезвычайно тщательно написанную его биографию.

По всей вероятности, им известно было также аббатство, описанное в книге Рабле, с его правилом: «делай, что хочешь». Такая жизнь предполагает изобилие, а при всеобщем изобилии такое правило жизни само собою разумелось бы. Так в горных округах, при изобилии родников и ключей, само собою разумеется неограниченное и бесконтрольное пользование водой, в то время как в безводных равнинах, где с водой приходится бережно обращаться, может потребоваться работа, и здесь обычай, вероятно, установил бы границы для свободного пользования даже водой.

«Гуманисты» знали всё это и намеревались выступить в качестве пропагандистов с целью распространения идей, которые они считали правильными. Они отказывались преклониться перед мнениями невежественных и слепых меньшинств, но их усилия оказались безрезультатными. Мне не ясно, придерживалась ли таких же взглядов другая группа «Друзья народа» в 1842 году, которую орган рабочих ассоциаций «L'Atelier» резко критиковал и назвал её «достойною господина Прудона, анархиста». Во всяком случае, этот свободный коммунизм захирел и уже не был более представлен в ежедневной парижской печати и литературе в 1848–1851 годах когда, особенно с марта до июня 1848 года, каждый оттенок социалистической мысли представлен был публике в печати или в речах ораторов. Я просмотрел довольно значительное количество этих материалов и не встретил никакого отражения взглядов «гуманитарных»

групп. Кроме того, известно, что Ж. Ж. Мей умер уже к тому времени, пав жертвою африканского климата в качестве солдата, сосланного в Африку после нескольких лет изгнания, проведенных в Англии.

В те годы лишь очень немногие доходили до идей свободного коммунизма. До некоторой степени это сделал независимый фурьерист Эдуард де Помпери, в единственном вышедшем номере его газеты «L'Humanite» (25 октября 1845 года), где он описывает общество, в котором изобилие продуктов сделало бы ненужными все ограничения, предусмотренные фурьеризмом.

Никогда, однако, в те годы во Франции анархизм Прудона не связывали с законченной формой коммунизма ни в литературе, ни в устной пропаганде. Это было сделано лишь М. Гессом в его знаменитых очерках «Социализм и Анархия» и «Философия действия» в немецком эмигрантском издании в Цюрихе (июль 1843 года), а также Карлом Грюном в немецких журналах 1844 года. Кроме того, в противоположность авторитарному коммунизму немецкого портного Вейтлинга и его товарищей (1843–1845) Вильгельм Марр и его товарищи проповедовали среди немецких рабочих в Швейцарии свободный коммунизм, соединенный с антигосударственными идеями Прудона и с атеизмом, противопоставлявшимся библейским симпатиям многих авторитарных коммунистов. Период преследований устранил эту пропаганду летом 1845 года, и хотя Марр оставался активным и даже напечатал историю этого движения (1846), однако настоящая пропаганда никогда уже больше не возобновлялась, даже Гесс и Грюн изменили свои взгляды в 1843 и 1844 годах. Прекрасные мысли в этом духе встречаются в произведении Рихарда Вагнера «Искусство в будущем» (Лейпциг, 1850 г., стр. 216–218) и в других его произведениях.

Каждый может легко убедиться в том, что, анархизм, ясно изложенный в теориях индивидуализма и мутуализма, а также коммунистический вариант этой теории до 1848 года и в произведениях 50-х годов, упомянутых выше, был мирным учением, сознававшим, что перед ним стоят огромные трудности в смысле преодоления воспитанного в массах предубеждения, и пренебрежительно относившийся к завоеванию власти авторитарными методами, с помощью которых можно добиться послушания, но нельзя добиться убежденности и сознательности. «Мирный революционер» таково было название первого индивидуалиста, «Гуманист» было имя первых коммунистических, анархических газет 1833 и 1841 годов.

Ожесточение и обострение революционных настроений были вызваны в этом мирном течении, не сходявшем вначале с путей опыта и убеждения, грубыми преследованиями, главным же образом бойней, учиненной над парижским пролетариатом на баррикадах восстания в июне 1848 года.

Эти события преобразили никому неизвестного художника и декоратора Жозефа Дежака. В начале 1848 года мы видим его связанным с наиболее умеренной из этих групп и пишущим стихи в газете. В июне он стал борцом, а потом заключен был в тюрьму на продолжительное время. Он был, пожалуй, первым революционным анархистом. Ничто не может превзойти крайности тех способов, которые он проповедовал в своей книге «Революционный вопрос», написанной им в 1852–1853 годах в Джерси и прочитанной им в 1854 году в одном нью-йоркском французском обществе, а затем и напечатанной в том же году. Он разработал очень полную теорию коммунистического анархизма и изложил ее в утопии «Мир человечества, анархическая утопия», напечатанной в 1858–1859 годах в его газете «Libertaire» орган социального движения, (Нью-Йорк, 1858–1861) 27 номеров чрезвычайно тщательно изданной анархической газеты, написанной по большей части им самим. Даже он, готовый пустить в ход самые прямые разрушительные методы, примирился с необходимостью постепенной эволюции, в ходе которой прямое законодательство народа было бы мостом от распада существующего общества к обетованной земле будущего. Дежак, живя в изгнании в Джерси, в Лондоне, в Новом Орлеане, в Нью-Йорке и опять в Лондоне в начале 60-х годов, оставил по себе след и бросил вызов Прудону, как слишком умеренному мыслителю. Однако, Дежак едва ли имел друзей, стоявших на высоте его энтузиазма и преданности делу. Он всегда был очень беден и измучен заботами и умер в результате расстроенного здоровья или умственного переутомления в Париже в 60-х годах. Начиная с 1889 года я усиленно пытался найти сведения о его жизни, и мой первый очерк теории анархизма рассматривает Дежака, как «предшественника коммунистического анархизма» (в газете Моста «Фрайгайт», Нью-Йорк, январь-февраль 1890 года). Однако, даже путем бесед со старыми друзьями Дежака в Лондоне я не мог восстановить историю ни первых его шагов, ни его конца. Но главный период его деятельности с 1848 года до 1861 года ясно описан в его редких

произведениях и других источниках.

Меня привлекал даже другой забытый французский коммунист-анархист того периода Эрнест Кердериуа (1825–1862) из Авалона в Бургундии, сын врача и сам врач, работавший в большом госпитале в центре Парижа, куда привозили раненых на июньских баррикадах 1848 года. Выходец из буржуазной среды, Кердериуа с этого времени почувствовал в своем сердце ожесточение против современного строя и стал искать силы, способной разрушить его. Он был очень активен в 1848–1849 годах в деле защиты республики против угрожавшего ей бонапартистского заговора и принял участие в попытке поднять народ на восстание 13 июня 1849 года. Он был наказан за это пожизненным изгнанием, во время которого он близко присмотрелся к честолюбию, интригам, неспособности авторитарных вождей республиканцев и социалистов. Две брошюры и 4 книги, написанные в 1852–1855 годах, представляют собой литературный труд, относящийся к периоду его определенно анархических воззрений. Наиболее замечательные части его произведений заключаются в двух томах книги «Дни изгнания» (Лондон 1854–1855, 300 и 577 стр. Перепечатано, с приложением подробной биографии, мной, Париж 1910–1911, в 3-х томах) и в чрезвычайно любопытной и, вместе с тем, чрезвычайно редкой, как и другие его произведения, его книге «Ура, или казачья революция» (издано на французском языке в Лондоне, октябрь 1854, XI+437 стр.).

Кердериуа дает уже вполне отчетливое предвидение свободнейшего коммунистического анархизма и очень едкую революционную критику современного социального рабства. Влияние его произведений, запрещенных всеми сторонниками власти и их последователями, было ослаблено его настойчивым выдвиганием гипотезы, подсказанной ему, главным образом, его неверием в существование подлинно революционных сил в обществе, подчиненном власти правительства и буржуазии. Он надеялся на разрушительное завоевание Западной Европы казаками Николая I, на всеобщее разрушение, на смешение рас, на возникновение последнего бунта из крайней нищеты и на обновление и возрождение разложившегося современного общества. Здесь не хватает двух его намеченных, может быть, написанных произведений (т. е. они не были напечатаны): «Казачья революция» должна была последовать за книгой «Революция личности» и «Социалистическое преобразование». Только отчаяние и мысль о сходстве современности с периодом падения древнего мира и нашествия варваров привели его к этим взглядам, которые он изложил, между прочим, в письме к Александру Герцену (напечатано в «Сборнике посмертных статей», Женева, 1870). И Дежак, и Кердериуа, также и Бельгарриг, хотя иногда и цитировавшиеся мимоходом там и здесь, были совершенно не известны анархистам Интернационала и позднее, в 60, 70 и 80-х годах. Они были вновь открыты только коллекционерами и любителями, случайно пришедшими в соприкосновение, главным образом, в Лондоне и Женеве, с очень немногими лицами, знавшими о них. Коммунистический анархизм, упоминающийся на

стольких страницах книг и газет 50-х годов, был совершенно не разработан и не мог дойти до людей 60 и 70-х годов Бакунина, Кропоткина и других. Это небеспочвенное предположение, я его доказал в отношении названных трех писателей и положительным и отрицательным способами настолько основательно, насколько это оказалось возможным, начиная с 90-х годов, когда многие, ныне ушедшие от нас, были еще живы.

Можно сказать, таким образом, что, начиная с «Гуманиста» 1841 года и до Жозефа Дежака 1861 года, коммунистический анархизм, хотя и полностью продуманный и изложенный талантливо и с пламенным энтузиазмом, не имел дальнейшего распространения какими бы то ни было известными путями, за исключением случайных бесед отдельных мирных людей в тех редких случаях, когда им приходилось говорить с активными людьми, интересовавшимися историей. Именно эти люди и рассказали Бенуа Малону об этих забытых авторах и дали ему возможность посвятить им страницу в его «Истории социализма», куда лишь очень немногие анархисты заглядывали и где эти авторы вновь были похоронены и забыты. Еще один анархист должен быть отмечен в этом периоде 1848–1851 годов Элизе Реклю (1830–1905). Относительно Реклю рукопись, помеченная 1851 годом, дает возможность с точностью установить факты. Эта рукопись содержит следующие слова:

«... Наше назначение состоит в том, чтобы достигнуть того состояния идеального совершенства, при котором народы не будут более нуждаться в опеке правительства или другого народа. Это отсутствие всякого правительства, это анархия, высочайшее выражение порядка; кто думает, что на земле никогда нельзя будет жить без опеки, тот не верит в прогресс и является реакционером».

От социализма молодой Реклю требует, чтобы он гарантировал одновременно и права личности, и права всех. Это прежде всего тенденция, пребывающая в сердцах людей, а не система, покоящаяся в книгах Прудона или Луи Блана.

Только тот, кто равно любит свободу и солидарность, кто признает, что права налагают обязанности, и обратно, и что человек сам, а не другие люди за него, должен устанавливать равновесие между тем, что он берет от общины и что дает ей, может понять, что Реклю жил этими идеями, начиная с 1851 года, когда ему было 21 год отроду, до своего последнего дня, а также в течение невыясненного числа лет до 1851 года. Остается вопрос, познакомился ли он с социалистической литературой в 16 или 17 лет, или еще раньше, но это уже второстепенная подробность: когда бы это ни случилось, эта литература заставила зазвучать некоторые струны в одно и то же время в его сердце и в сердце его брата Эли (1827–1904). Так произошло то, что не социалистические системы Фурье, Пьера Леру или Луи Блана и не анархическая теория Прудона целиком захватила собою Элизе Реклю, а либертарная сторона учения Прудона, пропитанная духом свободного коммунизма. Это последнее сочетание, составленное из свободы и любви, свободы и солидарности, получило преобладание

во взглядах Реклю.

Характерно, однако, для Реклю, что еще на протяжении многих лет, даже после ужасного опыта Парижской Коммуны, утопленной в крови, Реклю готов был помогать каждому доброму делу, к которому он примкнул частным образом, войдя в кружок интимных друзей Бакунина в 1864 году. Свою принадлежность к этому направлению он публично признал в своей речи на Бернском Конгрессе в 1868 г.

Таким образом, я привел сведения о главных анархических мыслителях и борцах, за исключением Бакунина, за период до первых годов Интернационала, основанного в 1864 году. Мы видим, что бок о бок с поднимающимся в XIX веке социализмом очень часто на передовых постах встречается в 50 и 60-х годах и анархизм. Прямо или косвенно, он оказывал влияние на многих социалистов, среди которых были и теоретики строго государственного и диктаторского социализма, как Буонарроти, Бланки, Луи Блан, Маркс и деспотические системы, подобные позитивистским системам или полуавторитарному коммунизму типа Кабэ.

За анархистов был дух ассоциации, федерации, волюнтаризма, прежде всего требовавший свободы, взаимности, справедливости и личной ответственности. Если бы обе тенденции слились, как они слились во взглядах Реклю, то были бы созданы элементы широко задуманного мирового социалистического анархизма, или анархического социализма.

Этого не случилось, ибо настроения Реклю были исключением, а в 60-х годах Прудон стоял в первом ряду, Маркс был еще мало известен, Бланки считался отчаянным фанатиком, с небольшим числом равно фанатических последователей, а другие социалистические системы почти сошли на нет. После смерти Прудона открыт был путь к тому, чтобы пропитать анархическое учение новым социалистическим духом: результатом был коллективистический анархизм.

Коммунистический анархизм очень ясно был формулирован в период 1841–1861 г. г., но дальше он не распространился, и его создатели были преданы забвению. Уже они чувствовали, что делу анархизма не суждено быть вопросом ближайшего дня. Дежак относит свою утопию к 2858 году, а Кердериу понадобился страшный катаклизм и всеобщая гибель, чтобы в его представлении стало возможным возрождение общества. С другой стороны, Прудон всегда неутомимо искал точек приложения прямого действия и инициативы. К несчастью, он умирал как раз в то время, когда возник Интернационал. Но в то же самое время огромная фигура Бакунина уже появилась и на каких-нибудь 10 лет анархизм получил мощный толчок от этой замечательной личности.

Бакунин, Бельгийские интернационалисты и коллективистический анархизм с 1864 до начала семидесятых годов

Как видно из предыдущей статьи, вплоть до смерти Прудона анархические идеи, гармонически изложенные, пожалуй, одним только Вильямом Годвином, в большинстве случаев содержали слишком мало подлинно-социальной мысли и социалистического духа и были слишком далеки от революционной инициативы, воли и метода. Они не могли, поэтому, внутренне соответствовать настроениям, которые созданы были нищетой и недовольством среди эксплуатируемых и угнетенных жертв развивающегося капиталистического общества. Взаимопомощь возможна была на первых порах, на дальнем американском западе, среди пионеров, обладавших умеренными и приблизительно равными средствами, т. е. среди людей, которым легко доступны были необработанная земля и обыкновенные орудия. Все другие производители наталкивались на суровых и жестоких монополистов. Ассоциации и кооперативы развивались очень медленно, ибо лишь очень немногие из обездоленных имели силы, чтобы порвать с прошлым не только теоретически и исповедовать социализм, помогая друг другу справиться с затруднениями первых дней. Социальные идеи Прудона, хотя и вызывавшие большой энтузиазм, оставались на бумаге. Английские организации трудового обмена и американские свободные общины не преуспевали и жили недолго. С другой стороны, в реформах для защиты труда было отказано: рабочие организации, социалистическая пропаганда, каждая попытка освобождения преследовались так жестоко, что стало ясно, что монополия и привилегия не сделают уступок, а утвердятся еще прочнее. Отсюда возникли методы Годвина, Оуэна и стольких других, методы мирного идейного убеждения и доказательства путем опыта, отсюда же предложения и предостережения Прудона. Но все это оказалось бесполезным, ибо готовность уступить доводам разума и справедливости совершенно отсутствовали у правящих классов, которые полагались только на силу организованного принуждения. Естественно, что нашлись люди, почувствовавшие, что только ниспровержение существующего строя, правительства и собственности может создать фундамент для нового, свободного общества.

Если авторитарные социалисты, вроде Бабефа, Буонарроти, Бланки и других, проповедовали это право, начиная с Французской Революции, то анархисты, от Годвина до Прудона искали мирных путей путей убеждения, опыта, взаимопомощи на справедливых началах. Но резня, устроенная в Париже в июне 1848 года, превратила некоторых из них в революционеров, в первую очередь Дежака и Кердериуа. Но мы уже видели, как страшно одиноки были эти лю-

ди. Таково было положение до конца 1861 года, когда начал действовать М. А. Бакунин (1814–1876). Он стал наполнять анархизм определенно социалистическим духом и революционной волей и пытался организовать активные силы, обратившись к социально-революционным инстинктам, дремавшим, по его мнению, в массах. Этим четырем определенным задачам он посвятил остальные годы своей жизни.

Обилие биографических материалов показывает, что уже на первых порах тенденции, дававшие ему возможность действовать в этих четырех направлениях, развивались в Бакуине при благоприятных обстоятельствах. Любовь к свободе и применение принципа солидарности в сочувствовавшей и доверявшей ему среде, стремление расширить эту сферу, понимание глубоких различий между полезностью посвященных и активных сторонников и деятельностью людей равнодушных или затронутых лишь поверхностно, вера в непреодолимость инстинктов, дремлющих во всех людях, способных возмущаться несправедливостью, вера в коллективную революционную борьбу, которая велась временами и которую, конечно, не угасила современная жизнь, неограниченные, поэтому, возможности действия при условии, что и решительное и сознательное меньшинство, путем разумного убеждения и решительной инициативы, вызовет отклик в народных инстинктах, все это составляло положительную сторону личности Бакунина, анархической революционной силы первой величины. Он обладал также некоторыми другими качествами, более личного характера, которые мешали полному развитию этих положительных качеств и которые, совместно с множеством враждебных сил, которым он бросил вызов, сковывали его и украли у него лучшие годы жизни, проведенные в тюрьме и ссылке. В результате он лишь к концу 1863 года, в возрасте почти пятидесяти лет, смог приступить к своей настоящей и прямой задаче, да и то лишь на несколько лет и в узких пределах.

Бесполезно рассматривать здесь в подробностях задерживающие факторы, которые заставили Бакунина так долго блуждать в религиозно-мистических философских и националистических пустынях, где он напрасно искал той полноты жизни, к которой стремился сам и которой хотел для всех других. Между 1841 и 1846 годами Бакунин достиг наивысшего развития своих интеллектуальных сил и моральной энергии. В то время, как философские иллюзии держали умы людей в интеллектуальном рабстве, у Бакунина выработывался новый взгляд на страдания масс и пробуждавшиеся в них социалистические и социально-революционные чаяния. В годы, проведенные им в Дрездене, Швейцарии и Париже, идя от Руге через Вейтлинга, Прудона, он попутно изучал также всех других социалистов того времени, богатого проявлениями социалистических настроений. Эти радикально-философские и гуманистические социальные настроения и революционные чаяния наполнили всё его существо. Это был анархизм, это был социализм, это была также революционная воля, и все это вместе дало основу для деятельности, в обстановке недовольства масс и их воз-

раставшей готовности действовать. В течение 1848–1849 годов эта готовность к действию получила самые очевидные доказательства: именно в те годы надежд социальные чаяния народа были очень сильным фактором, хотя эта готовность встречалась со всякого рода разочарованиями, подавлялась силою, искусственно отводилась в сторону национализма и войн правительствами и заблуждавшимися или эгоистичными революционерами не-социалистами. Эти силы омрачили также мысль Бакунина с того времени, как он в 1844 году повстречался со старым польским патриотом Лелевелем в Брюсселе, а затем, начиная с 1846 года, подпал под влияние славянских национальных чаяний. Здесь в 1846–1847 годах, которые были годами затишья для социальных масс, он нашел, как ему казалось, поле для действия. 1848 год развернул как будто широкие возможности для него, и Бакунин с головой ушел в националистическую агитацию. Осенью 1848 года он уже ясно понимал, что несломленный деспотизм больших континентальных государств был главным препятствием на пути борьбы. С того времени он старался собрать демократические силы трех национальностей, которые он считал враждебными друг другу: славян, мадяров и немцев. Это вдохновило его написать свой «Призыв к славянам» (в 1848 г.). Готовый отдать за это дело свою жизнь, он оказал полную поддержку Дрезденской революции в мае 1849 года. Эта революция возникла из тогдашнего политического положения в Германии и ничем не была связана с какими бы то ни было собственными планами Бакунина. В результате Бакунин был арестован, дважды приговорен к смерти, попал в Петропавловскую крепость и только в 1861 году вернул себе свободу путем побега из Сибири.

В социальном отношении на Бакунина мало повлияло то, что он видел в своей юности, имея перед глазами закрепощённое крестьянство. Социальные стремления возникают у него, наконец, только в 1841 году, когда философски и политически он дошел до крайнего левого фланга. Прочитанные им выдающиеся книги о социализме и коммунизме дали ему представление о многочисленных уже в то время коммунистических и социалистических движениях. Кроме того, в скором времени личное соприкосновение с германскими коммунистами в Швейцарии в 1843 году и с большинством социалистов, съехавшихся в Париж в 1844 и 1845 годах, от Маркса до Прудона, также расширили его взгляды. Анархизм Прудона и коммунизм многих рабочих оба притягивали его к себе, и его острый логический ум видел, что ни тот, ни другой не были разработаны: коммунизм не уделял места свободе, а в анархизме Прудона не было места для социальной солидарности, идущей дальше простой взаимности. Каждая из этих систем, как и всякая система, заранее устанавливает решения для тех, кому в свое время придется действовать, вместо того, чтобы предоставить им действовать самим, когда придет их время. Таким образом Бакунин не присоединился ни к одной из этих социальных систем, дружественно относился к либертерам и всегда чувствовал отвращение к авторитарным социалистам, особенно к Марксу, который не довольствовался тем,

что предлагал и отстаивал своё личное понимание социализма, а провозглашал и вбивал в головы своих сторонников, что сама эволюция, причина всего человеческого развития, будет развиваться в направлениях и по правилам, которое он открыл. Последствием этого было, что эволюция развивалась независимо от Маркса, а Маркс, чтобы поддержать свой престиж, вынужден был приспособлять свои взгляды к ходу эволюции и воздерживаться от действий. Эта хитрая тактика постепенно устраняла марксистов от борьбы за подлинно социалистические чаяния и заставляла их примыкать к существующему политическому и социальному механизму, прежде всего к государственной машине и к парламентскому или диктаторскому управлению.

Бакунин знал, что социальная революция не может быть избегнута, обойдена, устранена марксистским диалектическим фокусничеством и что гордость и жадность правящих не допустят мирной эволюции. Для него разрушительный период был жестокой необходимостью, а народные массы его неустрашимыми действующими лицами. Здесь, в качестве русского, знакомого с традициями Стеньки Разина и Пугачева, он ближе стоял к подлинно-социальным восстаниям, чем многие другие на Западе. В 1848–1849 годах он надеялся увидеть прежде всего крестьянские восстания в Германии и в Богемии. Действительно, революция в Богемии, которую он обдумал и подготовил зимою и весною 1849 года, была бы истинно разрушительной социальной революцией, но очень немногие видели положение в таком свете, поэтому Бакунин всегда был очень одиноким в осуществлении своих планов. Затем двенадцать лет тюрьмы и сибирской ссылки пришлось ему пережить, прежде чем он услышал о политически-революционных событиях, о Гарибальди, сокрушившим королевский деспотизм в Неаполе в 1860–1861 годах. Бакунин предвидел тогда весну революции во всей Европе и бежал из Сибири.

По-видимому, он горячо надеялся, что, в сотрудничестве с Гарибальди, революционные восстания славян и мадяров могли бы быть вызваны им и другими в Австро-Венгрии, что эти восстания можно будет распространить через Польшу и Украину на Россию и что таким образом Гарибальди, Бакунин и европейские революционеры победят царизм, центральные европейские монархии и, вместе с освобождением Франции от ярма Наполеона, начнется новая и универсальная революция, новый 1848 год и на этот раз установит настоящую социальную и национальную справедливость и федерацию свободных народов.

Жестокий опыт 1862 и 1853 годов показал ему, что такие надежды не могут осуществиться, и особенно, что национальные вопросы попали в руки государств и государственных деятелей и оказались связанными с государственными и капиталистическими интересами, которые, вероятно, во всё время были настоящими вершителями подобных вопросов. Он увидел, кроме того, что национальные чаяния без социального содержания не привлекали к себе народ и что национальные вожди, бывшие чистыми буржуа и антисо-

циалистами, не могли стать двигателями революции даже тогда, когда они обладали огромным престижем Гарибальди и Мадзини. Прямым врагом была теперь, с его точки зрения, государственная власть, все сильнее опиравшаяся теперь на милитаризм, а косвенными врагами были антисоциалистически настроенные националисты типа Мадзини, которые отвлекали народ от его социальных интересов, а также авторитарные социалисты, которые не желали разрушить государство, а хотели использовать государственный механизм для установления социализма без свободы, если бы они могли. С одной стороны, таким образом, стояли Гарибальди, Мадзини, Бланки и Маркс, а с другой Прудон, которого он снова посетил, как друга, но с которым, как и двадцать лет назад, он не мог сойтись в наиболее важных вопросах.

Бакунин остался почти один, но к концу 1863 года он решил не заниматься больше славянскими национальными вопросами и посвятить свою энергию подготовке европейской социальной революции.

В этих целях он стал действовать частными способами, т. е. секретно, при условиях, описанных в его биографии. Местом действий были Флоренция, Стокгольм, Лондон, Неаполь. В период 1864–1867 годов он стал знакомить со своими заветными идеями людей, которых считал ценными, и стал объединять их в Международное Революционное Общество, впоследствии называвшееся также Международным Братством, и стал создавать национальные отделы его, из которых известен итальянский отдел, относительно которого имеются специальные документы. Нас здесь могут занимать только идеи, выдвигавшиеся Бакуниным в описываемое время. Мы находим эти идеи в вполне развитой форме в отрывках рукописи 1865 г., в которых эти идеи разъяснялись масонским группам. Эти отрывки еще не напечатаны полностью; но те же идеи были подробно изложены в «Цели Общества и Революционный Катехизис» в начале 1866 года и ныне напечатаны целиком в германском переводе (1924), в нескольких немецких нелегальных выпусках (1866–1868), в настоящее время воспроизведенных в моей книге «Бакунин и Интернационал в Италии с 1864 по 1872 год» (Женева. 1928 г., XXXI+397 стр., с предисловием Э. Малатесты), затем в различных изложениях принципов Интернационального Братства и тайного Интернационального Альянса Социальной Демократии и в других набросках, написанных, по большей части, осенью 1868 года. Некоторые из этих набросков, по-видимому, лишь с небольшими изменениями, были положены в основу принципов Альянса Революционных Социалистов, организованного в сентябре 1872 года, и Славянского Братства 1872–1873 годов. Эти последние тексты неизвестны полностью, но, быть может, еще существуют и могут быть установлены с помощью отрывков, ставших известными, а также при помощи брошюры «К русским революционерам» 1873 года, которая была напечатана одним из членов Славянского Братства, не оправдавшим оказанного ему доверия, после того, как Славянское Братство отделилось от Бакунина. Из всех этих частных документов мы видим, что учение Бакунина развивалось с

ничем не нарушенной последовательностью. Мы находим его главные идеи изложенными во многих обширных рукописях, в статьях и брошюрах, и видим причины, побудившие его объединять активных революционеров в этих тесных организациях. Эти причины были полностью объяснены в письмах к итальянским, французским, испанским товарищам, к Александру Герцену и в специальном очерке, напечатанном в русской книге «Историческое развитие Интернационала» в 1873 году.

Всё это, таким образом, проверено в настоящее время и частью доступно в подлинных документах, подтвержденных свидетельством членов, из которых некоторые ещё живы.

Известно также, до какой степени все сохранялось в строгой тайне, и как Маркс, Энгельс, Утин, Лафарг и другие враги Бакунина бродили во тьме и писали лишь вздорные небылицы, приводили в своих произведениях 1872 и 1873 годов лишь самые туманные подробности об этом предмете и проч. Марксисты до сих пор считают эти произведения серьезными источниками информации. Как эта «информация» собиралась, можно теперь видеть из письма Лафарга к Энгельсу относительно Альянса в Испании, от 1872 года, напечатанного в моей книге «Неопубликованные документы об Интернационале и Альянсе в Испании» (Буэнос-Айрес, 1930, 210 стр.) а соответствующие действия Энгельса в Италии описаны в моей упомянутой итальянской книге на основании оставленных Энгельсом писем и т. п.

После нескольких лет такой деятельности Бакунин выступил публично, впервые в 1863 г. (Стокгольм), на Конгрессе в Женеве, где Лига Мира и Свободы была создана. Бакунин пытался проникнуть в среду членов Лиги для пропаганды своих федералистских идей, в которых антигосударственный федерализм сливался с анархизмом. Он пытался привить этим участникам демократических движений, по большей части выходцам из буржуазии, по крайней мере, дружественное отношение к целям социализма. Это ему не удалось, и тогда он и его друзья возымели желание работать с Интернационалом, к которому Бакунин лично уже принадлежал, вступив в него в составе особой организации Интернационального Альянса. Когда им в этом было отказано, они стали действовать в качестве секции или, в других случаях, внутри секции Интернационала.

Все это происходило, начиная с осени 1868 года. Сотрудничество этих групп завершилось Базельским конгрессом в сентябре 1869 года. Позднее, Юрская Федерация отделилась от женевских политиков в апреле 1870 года. Испанская Федерация, основанная в июне 1870 г., итальянская федерация, основанная в августе 1872 г., и Славянская секция в Цюрихе (1872–1873) полностью поддерживали принципы, совершенно сходные с теми, которые выдвигал Бакунин.

Бакунин ушел от общественной жизни в сентябре 1873 года. От кружка своих ближайших друзей он отошел годом позднее.

В течение десяти лет, начиная с 1864 года, мы находим его активно рабо-

тающим в рядах итальянского движения 1866–67 г. г., 1869 г., а с 1871 г. он вдохновляет местные движения во Флоренции, Неаполе, Милане, бросает вызов Мадзини и освобождает многих от его влияния. Наконец, в 1874 году, он готовится занять свое место в Болонье, в намеченном всеобщем восстании. Его ближайший итальянский товарищ Джузеппе Фанелли, по инициативе основанной группы, создает испанскую федерацию в Мадриде и Барселоне (1868–1869) на основе программы Альянса. Сам Бакунин с помощью личных связей с Р. Фаргой Пеллицером и Г. Сентинионом (лето и осень 1869 г.) подготавливает испанскую публику и тайные организации. Испанский Интернационал и Альянс остаются до 1873 года в связи с ним, примыкают к идеям, которые он отстаивал, и делают это дольше, чем какая бы то ни было другая часть Интернационала.

Бакунин был очень активен в Женеве в общественном движении, в широкой организационной работе, в секциях; Альянса и в газете «Эгалитэ» (последние месяцы 1868 г. и 1869 г. до августа месяца), а также в юрских секциях непрерывно, начиная с февраля 1869 года. Интернационалисты Лиона и Марселя были в тесной связи с ним, и он взял на себя инициативу революционной организации и повстанческих движений, главным образом, в Лионе в сентябре и октябре 1870 года. Он был на Юре во время Парижской коммуны, когда усилия революционеров направлены были к тому, чтобы подготовить диверсию с целью помочь коммуне. Он принял участие в попытках создать русское анархическое движение (газета «Народное Дело», сентябрь 1868 года, имела задачей поднять все слои русского общества на всеобщее движение) в нечаевский период 1869–1870, чтобы вести пропаганду революционных идей среди русских студентов в Цюрихе (1872 год) и подготавливать пропагандистов, готовых «идти в народ» поднять его на восстание и объединить крестьян для организации революционных бунтов (1872–1873). Сербские студенты также были под влиянием идей и личности Бакунина, в то время как среди поляков он всегда терпел неудачу, ибо никогда не соглашался, чтобы поляки управляли Малороссией и Белороссией (1872 год.).

Такова приблизительно была область личного влияния Бакунина в те годы. Следует заметить, что в других районах, где анархические идеи также развивались в те годы, в Париже, в Бельгии, особенно в Голландии, его связи были слабы, и он был скорее далеким дружественным наблюдателем, чем активным сотрудником, хотя он и встречался с единомышленниками из этих мест на Конгрессах. Джеймс Гильом, так тесно связанный с Бакуниным, был также в тесной связи с Варленом в Париже и с де Папом в Брюсселе; тем не менее, они остались вне сферы влияния Бакунина.

По отношению к Парижу это было вполне естественно, ибо, помимо организационной и пропагандистской работы Интернационала, там происходили великие битвы труда, действовали местные синдикальные организации, искавшие случая свергнуть Наполеона III соединёнными общественными силами,

путем вооруженного выступления, заговора или другим способом, и постоянно переходившие от удач к разочарованиям и обратно. Эта деятельность в трёх направлениях была в руках местных активистов Варлена и некоторых других, имевших целью добиться наибольших революционных успехов своими собственными силами. Это объясняет, почему в те годы все социалистические движения оставались движениями общего характера, не становясь сектантскими или преследующими специальные цели: отсюда то относительное единство цели, которое сделало возможным однородность планов, выдвигавшихся зимою 1870–1871 годов, которое привело к Парижской Коммуне 1871.

Анархизм, понятый как не-авторитарный коллективизм, был приземлён для Варлена и дорог ему и его единомышленникам и, придя на смену их первоначальному прудонизму, стал их подлинным личным убеждением, но в водовороте разнообразной деятельности, описанной выше, у них было мало случаев для специальной пропаганды анархизма. Можно сказать, что населению эти взгляды остались неизвестными. Даже наиболее пламенные социальные революционеры, подобно Луизе Мишель, которая была хорошо осведомлена о Бакунине, не восприняли в то время бакунинских идей. Луиза Мишель стала анархисткой на опыте Коммуны, когда она увидела, что даже самые лучшие социалисты, деятели Коммуны, в целом действовали не лучше, во многих случаях, чем другие правительства. Под этим впечатлением, отправляясь в ссылку в Новую Каледонию, она и сделалась анархисткой, как она рассказала об этом позднее.

В Бельгии, Женеве и Лондоне и в очень немногих других городах, где французским изгнанникам ещё можно было дышать в 50-х и 60-х годах, французские социалистические и анархистические идеи, от Консидерана до идей Прудона, встречали хороший прием в местных группах, состоявших из свободомыслящих, а часто и решительных революционеров, которые в больших городах старались завязывать связи с многочисленными промышленными рабочими металлистами, текстильщиками, шахтёрами, а в провинции с земледельческими рабочими. Таким образом, когда был основан Интернационал (в сентябре 1864 года), то Бельгийская Федерация, после всей подготовительной работы, стала цветущей организацией. К ней стало примыкать также значительное число интеллигентов-студентов и лиц свободных профессий, которые, в качестве свободомыслящих и политических радикалов, отошли от буржуазной и клерикальной среды и охотно встречались с наиболее передовыми мыслителями того времени, завязывали личные связи с Прудоном, ибо Прудон прожил несколько лет в качестве эмигранта в Брюсселе, куда позднее приехал Бланки также в поисках убежища.

Политический социализм в то время не был вопросом дня в Бельгии, ибо народ не голосовал, а всеобщие выборы не привлекали никого из передовых мыслителей, за исключением нескольких демократов, ибо наполеоновский плебисцит во Франции показал, что миллионы избирателей всегда становят-

ся добычей власть и капитал имущих. Это объясняет, почему в шестидесятих годах в Бельгии почти все социалисты считали государство столь тесно связанным с капиталистическим строем, что оба они должны были пасть одновременно, и социализм по необходимости должен был бы создать новые политические формы. Это привело к объединению анархизма в духе Прудона с социализмом свободнейшего ассоциационного типа как раз то, что Писаканэ и Бакунин имели в виду. Бельгийские социалистические газеты шестидесятих годов, Tribune du Peuple, Rive Gauche, Liberte и другие, вдумчивые произведения Цезаря де Папа (1841–1890), Евгения Гимса (1839–1923), Виктора Арну и многих других говорят о действительно блестящем развитии, возникшем из этого соединения лучших продуктов анархизма и социализма, стремившихся обосновать свободнейший из всех видов социализма, самый социальный из всех видов анархизма.

Когда Интернационал стал укрепляться, это молодые бельгийцы первые стали в оппозицию к авторитарному социализму, вносимому марксистами, и против бледного, почти антисоциалистического прудонизма французских эпигонов Прудона, Толена и других парижских рабочих. Молодые бельгийцы выдвинули на первый план идеи коллективистического анархизма, сначала очень умеренного, так как желательно было постепенно сделать эти идеи приемлемыми для широких масс. Лица, наиболее охотно примыкавшие к этим идеям, стали теми интернационалистами французской Швейцарии, которые изжили свои ранние увлечения местной швейцарской радикальной политикой и которые, попав в среду, проникнутую идеями федерализма и раннего социализма, были хорошо подготовлены для того, чтобы воспринять целиком коллективистический анархизм. Я говорю о группе интеллигентов и рабочих Джеме Гильом, Шварцгебель и другие в городках Юры и Женеве. Находясь в тесной связи с бельгийцами, с некоторыми из парижских интернационалистов и с Бакуниным (с осени 1868 г.), они образовали одну из тех европейских групп, где это новое сочетание, распространявшееся, с одной стороны Бакуниным, а с другой бельгийцами, встречалось с чувством большого удовлетворения, изучалось тщательно и разумно и пустило глубокие корни. Федерация, позднее названная Юрской Федерацией, была мала, но являлась опорой и очень значительным фактором в анархическом движении. Испанская и итальянская федерации на протяжении многих годов, а бельгийская федерация в течение более короткого периода (в начале 70-х годов) и юрская федерация были первыми опорными пунктами анархизма, начиная с конца 60-х и вплоть до 80-х годов. Какая перемена со времени унылой изоляции Кердеруа и Дежака, десять лет тому назад, в 50-х годах! Огромный шаг вперед сделан был, главным образом, благодаря блестящему взлету Прудона в его последние годы (1858–1864), не менее блестящему развертыванию деятельности Бакунина, начиная с 1863–1864 годов, небывалому расцвету молодых социалистических талантов в Бельгии в 60-х годах и преданности и отзывчивости, с

какими встречались анархические идеи в разных частях Швейцарии, Италии и Испании, где такой прием был давно уже подготовлен, как показывает ближайшее рассмотрение вопроса. Так, например, Юра была районом местной автономии, где преобладали развитые и самостоятельно мыслящие рабочие (часовая промышленность в то время была совершенно децентрализована и свободна от машинного производства), итальянская Романия, Флоренция, Милан, Неаполь и т. д. были гнездами восстаний и заговоров на протяжении многих лет; эти восстания всегда были направлены против государственной власти, которую восставшие в этих местностях считали совершенно бесполезной, нелепой и ненавистной. Каталонские части Испании были проникнуты духом федерализма, а среди рабочих крупной текстильной промышленности было сильно ассоциационное движение. Андалузские провинции, под влиянием нищеты населения, созрели для социальных и аграрных восстаний и т. д. Здесь практика местной автономии, там влияние учений федерализма (Писаконэ, Пи-и-Маргаль) еще задолго до того подготовили почву. Государство, церковь, буржуазия, земельные собственники и весь авторитарный механизм, на который они все опирались, были признаны врагами.

Таким образом, путем естественной игры сил и факторов притяжения и отталкивания, подобно зернам, брошенным на ветер и частью попавшим на бесплодную почву, а частью давшим роскошные всходы на плодородной почве, анархические идеи в 60-х годах, когда Интернационал и другие силы (например, кооперация в Англии и Франции, лассальянское движение в Германии и т. д.) повсюду объединили секции, общества и союзы, наиболее подвижных и деятельных рабочих и социалистических друзей рабочих, анархические идеи пустили корни в большом масштабе и в самой плодородной почве, как уже сказано выше. При этом, конечно, неизбежно было, что анархизм медленнее развивался на менее подготовленной почве (напр., во Франции) и почти вовсе не развивался в странах, где такие благоприятные условия совершенно отсутствовали. Таким представляется положение, по крайней мере, на мой взгляд, если оглянуться на пройденный путь теперь, когда мы можем изучить и сравнить многие моменты движения, смысл которых был сокрыт от современников. С другой стороны, весь повседневный опыт деятелей того времени исчез вместе с ними, и мы не можем уже точно установить его.

Мы вынуждены допускать неточности и ошибки во многих наших годах, но это естественное местное распределение сил анархизма в 60-х и 70-х годах объясняет много других вопросов, напр., бесполезность столь многочисленных споров того времени и позднейших времен о необходимости сделать универсальную, одну единственную социалистическую доктрину: ни Маркс, добивавшийся этого, ни энтузиасты анархизма, которые этого жаждали и надеялись на это, не добились успеха. Не говоря уже о том, что на это дело было убито много энергии, эти попытки дали повод также к широко распространенному недоверию, при наличии существовавших в то время расовых

теорий, считавших латинскую и славянскую расы едва ли не прирожденными анархистами, а англо-саксонскую и тевтонскую расы прирожденными сторонниками власти. Бакунин чрезвычайно занят был этими теориями, и через эту широкую дверь большинство его национальных идей 1846–1863 годов вновь вошли в его анархическое учение, как это неоспоримо доказывает его книга «Государственность и Анархия» (1873) и последовавшие за нею труды. Инициатива Прудона, выдвинувшего идею федерализма 1859–1863 года, была уже совершенно забыта, равно и все его предостережения.

Национальная гордость и вражда между народами были, таким образом, снова разожжены; между тем как если бы развитие общества пошло по пути настоящего анархизма, то, при условии правильной оценки положения, можно было бы, по крайней мере, по моему мнению, попытаться дать анархизму пустить корни в наиболее подготовленной федеративной и революционной среде внутри каждой нации, страны и расы. Такая среда, в качестве отправной точки существует повсюду так же, как повсюду существуют реакционные центры, враждебные прогрессу.

Недостаток места не позволяет мне подвести итоги социальным идеям Бакунина, которые заслуживают того, чтобы ознакомиться с ними в подлиннике или в переводах, которые теперь бесконечно более доступны, чем в его время и много лет спустя после его смерти, когда лишь очень небольшая часть его произведений существовала в редких изданиях. Главная масса его произведений осталась в рукописях. Очень важные письма его, а также много рукописей были уничтожены или затеряны.

Серьезному исследователю я бы рекомендовал, по крайней мере, первое изложение его принципов, сделанное, как уже сказано, в 1866 году, проекты 1868 года, речи в Берне (сентябрь 1868), статьи в «Эгалите» (1869), русские статьи и воззвания (1868–1869), рукописи, где рассматривались положение во Франции в октябре 1870 года и предположение о превращении войны в социальную революцию и затем переход к обсуждению интеллектуальных условий человеческой свободы; отрывок, названный «Бог и Государство», с двумя трактатами о происхождении религии, «Антитеологизм» 1868 г. и рассуждение о «Божественном призраке» 1870, затем публичные доклады на Юре, очень сжатый отрывок «Принцип государства», отрывки о Парижской Коммуне и статьи против Мадзини, также циркулярное письмо его итальянским товарищам, помеченное 1871 годом, статьи относительно Маркса до и после Гаагского Конгресса 1872 года, «Государственность и Анархия» 1873 года (ныне доступные в русской перепечатке и в испанском переводе 1929 года), все эти письма, а также письма, напечатанные в книге Корнилова, переписка Герцена и Огарева, письма о запутанных принципиальных вопросах, пропаганде, организации и тактике, посланные итальянским, французским, испанским и другим товарищам, также личные документы, от «Исповеди» (1851) до Шплигенского мемуара 1874 года (с 1929 г. также доступен в полном испанском переводе) и т. д.

В течение 45 лет, с начала 30-х годов до 1876 года, Бакунин вел чрезвычайно деятельную и разнообразную интеллектуальную жизнь, в которой единство цели сочетается с тесным соприкосновением с самыми различными представителями передовых групп в целом ряде стран. Несмотря на то, что так много его произведений было уничтожено или исчезло без следа, многое все же было разыскано. Ознакомиться с этим наследством хотя бы вкратце будет делом необходимым. Серьезное изучение этого наследства требует также знакомства со многими лицами, идеями, политическими и социальными положениями, дружественными и враждебными факторами, с которыми Бакунину пришлось сталкиваться. Я могу только рекомендовать издания его произведений, из которых французское вышло в 6 томах, 1895–1913, немецкое в 3 томах, 1921–1924, испанское в 5-ти томах, 1924–1929. Ни одно из этих изданий еще не закончено и лишь содержит часть произведений Бакунина. Русские перепечатки делают доступными все новые произведения Бакунина, а многие тексты существуют только в редких, первых изданиях и в неопубликованных рукописях.

Было бы поэтому совершенно нелепым создавать себе мнение о Бакуине, как это до сих пор делают некоторые, на основании очень ограниченного числа его произведений, или даже, как это случилось недавно с кое-кем во Франции, на основании не заслуживающих доверия и рассчитанных на сенсацию биографий Бакунина. Такова, например, биография, написанная г-жой Извольской (Париж, 1930), которая основывается на совершенно неверной марксистско-большевистской биографии, составленной Стекловым.

Я пытался изложить деятельность Бакунина на многих страницах немецкой книги «Анархизм от Прудона до Кропоткина,» 1859–1880 (Берлин, 1927, 312 стр.), особенно в главах II, III, VII – XII, где я указал каждое теоретическое, тактическое или организационное выступление Бакунина в течение 1864–1874 годов. Сюда я отнес статьи, излагающие его взгляды и касающиеся современников Бакунина – анархистов, оппонентов Бакунина из числа марксистов, а также исторические события тех лет. Бельгийская анархическая литература 60-х годов, имеющая своим источником Прудона и независимая от Бакунина, описана в той же книге, главы 4, 8 и 9, а упадок этой литературы описан в главе 13. Подробный отчет о собрании, состоявшемся в Патигисе (Арденны) 26 декабря 1863 года (Цезарь де Пап) и длинный ряд документов, перечисленных выше, являются основой для изучения этой ветви анархизма, вместе с отчетами Конгрессов Интернационала, главным образом, за годы 1867, 1868, 1869. Очень тщательно выбранные из этих бельгийских документов статьи М. П. Сажина и Бакунина собраны в редкой русской книге «Историческое развитие Интернационала» (Цюрих, 1873 года, 275 стр.).

Бакунин при помощи итальянцев и русских (Н. Жуковский), юрцев и некоторых женеvских социалистов, бельгийцев и некоторых французских социалистов, а также испанских интернационалистов, перезнакомился с целым рядом этих организаций и все они перезнакомились между собой и установили между собой подлинно дружеские отношения на основе солидарности. Эти отношения, частью открытые, частью же частного характера (называвшиеся тайными отношениями), продолжались много лет. В тайные отношения не входили только бельгийцы, питавшие отвращение к такого рода отношениям. Таким образом была сформирована антиавторитарная фаланга, которая противостояла авторитарному влиянию Маркса и политическим соблазнам, исходившим от развивавшейся социал-демократии. В этом последнем пункте бельгийцы составили исключение в середине 70-х годов. Историческое изложение того, как все это происходило, весьма интересно и поучительно. Такое изложение ни в коем случае не является «Древней Историей», ибо анархизм все еще имеет дело с теми же самыми врагами и препятствиями, которых он не смог уничтожить, ибо они объединились со всеобщей реакцией и всеобщим распространением централистических тенденций. Однако, анархизм крепко стоит в борьбе с этими врагами. Обо всем этом можно узнать из прекрасной книги «Записки Юрской Федерации», напечатанной в 1873 году в Швейца-

рии. Документально всё это можно установить с точностью по книге Джемса Гильома «Интернационал», 1864–1878 (Париж 1905–1910, 4 больших тома). Дальнейшие подробности могут быть почерпнуты в серьезных изданиях, касающихся Бакунина тех лет, а также из произведений серьезных противников, как полное издание переписки между Марксом и Энгельсом и т. д.

Здесь я могу коснуться только очень немногих подробностей, относящихся к общему развитию анархических идей в те годы.

Когда Бакунин повернулся спиной к воинствующему национализму (1863), то он сделал это потому, что близко узнал национализм, проникнутый государственными стремлениями и государственным строительством. Никто не был заинтересован в справедливом национальном федерализме, который был предложен Бакуниным в 1848 году («Основы новой славянской политики»). Национализм стремился только к размножению государств. Его идеал достигнут был в 1919 году, когда 25 европейских государств превратились в 36 государств. Бакунин стремился к ассоциации и федерации, признавал право на самоопределение и автономию и отрицал право завоевания (13 пунктов предложенных им Комитету «Лиги Мира и Свободы» в конце 1867 года, являются классическим изложением его взглядов. Это изложение напечатано во французском издании сочинений Бакунина, том I).

Это могло бы быть достигнуто только тогда, когда власть государства над личностью была бы сломана путем уничтожения организованного угнетения в интересах монополии и привилегии. Социальное недовольство могло быть рычагом для этой цели, но его нужно было бы возбудить, а если бы исторические события вызвали его, то его нужно было бы защитить от принесения его в жертву новым господам новым политическим и социальным порабощениям силами авторитарной организации, механизмом государственных социалистов. Бакунин это предвидел, а большевизм осуществил его предвидения с точностью и оказался даже хуже того, что предвидел Бакунин.

В 60-х годах ежедневно ожидалось событие, которые могли бы создать новое положение, как, например, падение Наполеона II во Франции. Его исчезновение в то время могло бы привести к переменам такого же характера, как и падение Муссолини в наши дни. Мог бы установиться любой режим, от Орлеанской монархии до красной республики и коммуны. Бакунин хотел быть подготовленным к такому положению, которое могло бы повести к новому, социально-революционному, противогосударственному и социалистическому 1848 году. Во всяком случае, стоило попытаться. Бакунин стал собирать способных единомышленников-рабочих. Применяясь к тогдашним условиям, когда Мадзини, Бланки и другие вожди объединяли свои организации при помощи тайных связей, Бакунин основал тайное общество, позднее названное Международным Братством. Только после того, как это было сделано, Международное Товарищество Рабочих было основано в сентябре 1864 года, а несколькими неделями позднее Маркс, услышав о поездке Бакунина через

Лондон, посетил его и хотел заинтересовать его в Интернационале, главным образом потому, что Бакунин мог бы противодействовать влиянию Мадзини на итальянских рабочих, так как Бакунин жил в то время во Флоренции. Они расстались в дружественных отношениях, как видно из писем, но, хотя Бакунин был в оппозиции также и к Мадзини, он не мог вести с ним борьбу в интересах Маркса, который был противником Бакунина в других вопросах. Бакунин предпочел прекратить сношения с Марксом и работать самостоятельно в Италии и в международном масштабе, и, наконец, в «Лиге Мира и Свободы» (1867–1868). Когда это стало совершенно невозможным, тогда его друзья из Братства (французские и итальянские члены) придумали создание отдельного общества, открытого «Альянса», который пожелал присоединиться к Интернационалу. Это было отвергнуто генеральным советом, и с этого момента Маркс и Энгельс стали питать жестокую вражду к Бакунину. Последний работал в Интернационале и вполне приспособился к открытой пропаганде не анархизма, не революционных принципов, а к пропаганде только организации рабочих масс в большие общества на основе международной солидарности труда против капитала и надежды на полное освобождение труда путем солидарности и борьбы. Это был современный синдикализм с конечными социалистическими целями. Это было, далее, усилие освободить организованные массы от прямого влияния какой бы то ни было социалистической школы, вроде политического социализма, социал-демократии, бланкизма и т. д.

Рядом с этой открытой и не-сектантской организацией, Бакунин считал полезным и необходимым поддерживать индивидуальные формы борьбы, установить частные связи с активистами, исповедовавшими взгляды революционного анархизма, подобно ему самому. Он считал, что это могло бы обратить их способности на агитацию и пропаганду среди таких же элементов в открытых секциях и вообще могло бы защитить наиболее опытных членов таких организаций от авторитарного влияния умеренных и всяких иных социалистов.

Маркс пользовался другими средствами, а именно: его сторонники пытались внедрить свои партийные взгляды в открытые секции, а сам он пытался навязать эти идеи принудительно, при помощи неограниченной власти, врученной ему и его сторонникам в администрации общества.

Оба способа действия были ошибочны, но и организационный принцип всей группы также был ошибочный. Партийные идеи не должны навязываться открытым организациям. Большая организация не может успешно работать, если не может быть достигнуто идейное единство. Авторитарные и антиавторитарные идеи не могут сожительствовать в мире, если не принято мер в духе автономии и взаимной терпимости.

В сущности столкновение между открытой и подпольной пропагандой было неизбежно, проповедуемые идеи стали известны широкой публике. Что касается практической деятельности и личных отношений, то взаимное недоверие

и вражда привели к тому, что все это стало тайным. Это положение привело от скрытой борьбы к открытой войне и расколу в 1871–1872 годах (между Лондонской Конференцией и Гаагским Конгрессом). Таким образом тщательно обдуманый план Бакунина отделить массовую открытую, синдикальную организацию от маленькой, тесной анархической организации, Интернационал от Альянса, был разрушен силою обстоятельств, разными путями и в разных местах. В общем там, где заранее была подготовлена почва для анархизма, открытые секции скоро стали анархическими, и Альянс стал основной группой, где происходило обсуждение тактических и других тайных или частных дел, тогда как в районах, где преобладало авторитарное влияние, в секциях получили преобладание авторитарные идеи. Альянс был бессилен в таких секциях, или лучше сказать, отсутствовал там, вовсе никогда не существовал там (все подробности об этих организациях вполне установлены в настоящее время).

Таким образом в упомянутых выше районах Интернационал с 1870 до 1873 года отождествился с анархическим движением, тогда как в авторитарных районах он слился с социал-демократическими и им подобными партиями, или вовсе был покинут для присоединения к этим партиям. Быстрый ход развития в течение нескольких лет и колоссальное событие Парижская Коммуна 1871 года, в которой все участвовали и которая окончилась так трагически, все это произошло раньше, чем наступил кризис в организации. Обе группы и авторитарные социалисты, и анархисты увидели в Коммуне подтверждение некоторых своих идей, и отсюда возникло среднее течение коммунисты, сочетавшие свободу в теории и власть на практике.

Все это было немалым успехом для анархизма, столь резко встречавшегося в 50-х годах, а теперь, в начале 70-х, ставшего руководящим принципом Интернационала в организациях Юры, Италии, Испании, Бельгии и Голландии и нашедшего множество сторонников среди французов и русских.

Период 1871–1890 годов

Парижская Коммуна (Март–Май 1871) была огромным, событием, изменившим направление развития Интернационала, всего социального движения Европы и развития анархизма. Париж в руках социальной революции, бросивший вызов всему государственному механизму, вдохновляемый всеми социалистами того времени, от продолжателей парижских традиций Французской Революции, бланкистов и других бунтарей 1848 года, до федералистов-прудонистов и интернационалистов коллективистско-анархического направления, все это вместе взятое было невиданным подтверждением требований социализма и доказательством его силы и способности к мощному действию, его боевой энергии. Но ужасное поражение в мае, убийство многих тысяч, обращение всех других защитников восстания Парижа в узников, согнанных в одно место, подвергавшихся грубому обращению и тысячами отправляемых в ссылку, в Новую Каледонию, или выделенных из массы для предания показательным и грубым судам, а затем расстреливавшихся непрерывно до 1873 года, с промежутками, достаточными для того, чтобы держать нервы в напряжении, все это было жесточайшим из поражений революции. За этим поражением последовал период безжалостной мести побежденным и отвратительнейших клеветнических выступлений политиканов, в их печати, против рабочего дела.

На деле Коммуна оказалась преждевременным восстанием, логически вытекавшим из недовольства народных масс в Париже, организованных и вооруженных за время месяцев осады. Этому восстанию легко удалось собрать запасы пищи и низложить ненавистное правительство в день 18 марта. Это было правительство г-на Тьера, предпочетшего ускользнуть в Версаль в тот день, чтобы быть в состоянии вернуться назад с целой армией и раздавить Париж. Таким образом, победа была чрезвычайно легка, ибо все ненавидели правительство, но эти настроения только подтолкнули социалистов к занятию ответственной и рискованной позиции в качестве избранных членов Коммуны (26 марта), но не заставили их предпринять подлинно социалистические действия, выступления против частной собственности. Социалисты знали неподготовленность общественного мнения к таким действиям и воздержались от решительных мер. Таким образом буржуазия сделала их ответственными за социальную революцию, которая не была совершена. Им было трудно защищаться, ибо они сами воздержались от подлинно социалистических мер.

То же самое произошло в смысле политической организации. Для масс и для всего населения Коммуна была лишь протестом Парижа, вызванным лишениями осады, протестом против трусливого и реакционного правительства. Для бланкистов и якобинцев, стоявших за традиции 1793 года, это было мощное городское самоуправление, поднявшее голову против государства. Для прудонистов это была первая из сорока тысяч общинных единиц Франции, дол-

женствовавших образовать постепенно Федерацию и таким образом занять место в государственной администрации во всей стране. Для интернационалистов типа Варлена только Париж был социальной коммуной, будущей живой социалистической единицей. И, опять таки, все эти далеко идущие идеи не способны были развернуться и проявить себя более активно в силу того факта, что население в целом не разделяло ни одной из них, как не стремилось оно к социализму, а понимало только гневный протест сегодняшнего дня против надменного правительства, опиравшегося на провинциальных реакционеров и стремившегося унижить Париж.

При таком положении дел было бы вполне возможно придти к соглашению на основе муниципальных свобод, которых Париж того времени еще не добился. Это было бы возможно, если бы правительство г. Тьера не стремилось нанести сокрушительное поражение всему, что было социалистического, уничтожить социалистические поколения 1848–1870 годов, стереть с лица земли социализм, как общественную силу во Франции, что и было на самом деле совершенно в период до 1880 года. Эта жестокая воля утопила Коммуну в крови и придала безнадежный вид борьбе против капитализма, каким он выглядел после баррикадной борьбы в Лионе 1834 г., после парижских баррикад июня 1848 г. Это третье поражение французского пролетариата оказывает свое влияние и до сегодняшнего дня, 60 лет спустя, ибо ни одна значительная попытка вооруженного восстания не имела места во Франции с 1871 г.

Таким образом перед Интернационалом и перед всеми рабочими Европы был факт героического выступления социализма и федерализма в дни 18 и 26 марта и факт кровопролитного безжалостного выступления капитализма, милитаризма и государственной власти, плававших в крови парижского народа в мае 1871 года. Все они придали себе храбрый вид и объявили себя теоретически и лично солидарными с Коммуной и так же поступил Карл Маркс в своей «Гражданской войне во Франции», признав коллективное управление вещами более решительным шагом, чем государственное управление людьми. Так же поступили все анархисты и; конечно, все эмигранты Коммуны в Женеве и в Лондоне. Некоторые из них, как Ж. Лефрансе, разработали теорию федерального социалистического коммунизма, как систему, среднюю между авторитарным социализмом и анархизмом.

Однако, на практике и взглядах революционеров поражение Коммуны отразилось очень сильно. Перед глазами всех было немое молчание Парижа на протяжении многих лет, полное отсутствие Франции на советах социализма, жестокий пробел, напоминавший упадок движения на протяжении 50-х годов в результате событий 1851 года.

Теперь авторитарные социалисты стали проповедовать неверие в вооруженную революцию. Исключение составляли только бланкисты, которые, однако, никогда не обладали ни силой, ни верой, ни волей приступить к бунтарским действиям и, позднее, слились с политическими социалистами Франции (геди-

стами) или были вовлечены в движения патриотических социалистов (буланжистов). Социалистический парламентаризм 60-х годов существовал на деле только в Швейцарии и Германии, теперь же он стал универсальной социалистической панацеей. Маркс навязал его авторитарной части Интернационала (1871–1872) и этим вызвал раскол всей организации, которая могла быть единой лишь до тех пор, пока каждое социалистическое воззрение уважалось и ставилось в равные условия с другими и ни одно из них не делалось обязательным, как того захотел Маркс в вопросе о «политической борьбе», т. е. о борьбе с помощью избирательного вота.

Либертарные социалисты, этим желанием Маркса навязать свои личные идеи Интернационалу, вынужденные отделиться от авторитарных федераций, составили одну группу в качестве реорганизованного свободного интернационала 1873 года (Женевский Конгресс). Им помогали лишь несколько личных противников Маркса в Англии и несколько французских коммунистов. В качестве анархистов-коллективистов они имели в своей среде всю испанскую федерацию, которая осенью 1873 года насчитывала около 50 тысяч членов в 500 секциях, организованных по отраслям промышленности. Сюда входила также итальянская федерация, бесконечно менее многочисленная, так как она ждала революционного подъема и не имела ни досуга, ни желания привлекать значительные массы членов, организованных по отраслям промышленности. Здесь же была федерация швейцарской Юры, где идеи и защита труда были соединены, но где не было ни революционных задач, ни перспектив, как это и подобает Швейцарии. Находилась здесь и бельгийская федерация, где, однако, некоторые теоретики, как Цезарь де Пап и фламандская секция, проделали обратную эволюцию в направлении к коммунизму, а затем к политическому социализму. Та же ретроградная эволюция имела место и в Голландии. Сочувствующие были также в тайных секциях юга Франции.

Затем здесь был Бакунин, который немедленно понял всю огромность поражения, но сохранил бодрость духа и оказал очень большую услугу делу в 1871–1872 г. г. своей защитой дела коммуны и Интернационала против низких нападков Мадзини в его речах к итальянскому юношеству и рабочим. Этим самым Бакунин содействовал тому великому собранию вокруг Интернационала интеллигентных и энергичных элементов из числа сторонников Мадзини и Гарибальди. Это движение привело к созданию конституции итальянской федерации в Ремини в августе 1872 г.

Бакунин также очень много содействовал этому движению во время своего пребывания в Цюрихе летом 1872 года и своим непрерывным сотрудничеством с М. П. Сажиним, а также (1872–1873) с Гольштейном, Элсвицем и Ралли. Совместно с ними он рассеял предубеждения, возникшие под влиянием действий Нечаева в русских организациях. Нечаев был типом бланкистского заговорщика, ультра-авторитарного централиста. Его идеи и тактика, без жестокости, свойственной лично Нечаеву, нашли лишь очень немногих сторонников, вроде

Турского, Ткачева и других. Другие русские социалисты отчасти вдохновлялись учением Бакунина в 1872–1874 г. г., частью же оставались умеренными и удовлетворялись умеренной политикой Лаврова из «Вперёд» (1873–1876, 1877) органа, посвятившего себя пропаганде среди крестьян («народники»). Несколько позднее, раздраженные жестокими преследованиями, главным образом против политических террористов, убивших Александра II в марте 1881 года, многие социалисты примкнули к террористическим организациям. Эта позиция, укрепившаяся вследствие преследований, отодвинула личные взгляды социалистов на второй план. Много ростков анархизма в 1872–1874 г. г. выросли под личным влиянием Бакунина и под влиянием его русских книг, главным образом «Государственность и Анархия» и его знаменитого Прибавления II, о деятельности русских революционеров. Эти ростки не совсем погибли, и только рост их временно приостановлен был вследствие преследования террористов. Женевская «Община» 1878–1879 г. г. была их последним и хорошо прочувствованным выражением в течение некоторого времени. Сам Кропоткин, столь преданный анархическим идеям в русских вопросах, воздержался от вмешательства с точки зрения, теоретически расходившейся с геройской террористической борьбой. Каждый, кто не мог помочь этой борьбе непосредственно, наблюдал за ней в безмолвном почтении, воздерживаясь от критики.

Антиавторитарный Интернационал имел очень активных и способных защитников в лице Джеймса Гильома, чья работа в юрском «Бюллетене» (1872–1878) и особенно в его книге «Мысли о социальной организации», написанной осенью 1874 г. и напечатанной в 1876 году, затем в лице Поля Брусса, очень активного молодого студента, в то время бывшего эмигрантом, активно выступавшего в Барселоне в 1873 году и в Швейцарии (начиная с осени 1873 года до конца 1878 года). Он отстаивал идеи революционного коллективистического анархизма, а с 1877 года анархический коммунизм. В числе защитников Интернационала был также Рафаэль Парга Пеллисер, очень искусный печатник, и Хозе Барсия Биниас, студент медицины в Барселоне, Андрия Коста, Эррико Малатеста, Карло Кафиеро, Эмилио Ковелли и много других социальных бунтарей, ранних коммунистических анархистов, группа которых существовала осенью 1876 года. Затем Элизе Реклю, Франсуа Дюмартерэ, Андриан Перрарэ, ранние французские коммунисты-анархисты (начиная с 1876 года), находившиеся в швейцарском изгнании: Поль Робен в Лондоне, Пётр Кропоткин в Лондоне, Бельгии, Швейцарии, Франции и Испании, в Женеве, в Лондоне и вблизи Женевы, в Савойе; бельгийские анархисты в Вевей, русские анархисты: Бакунин, Сажин, Ралли, Эльсвиц и другие, первые германские сторонники анархизма в Берне: Рейнсдорф, Эмиль Вернер, Ринке и другие, приблизительно с 1876 г. Эти люди и многие другие, имена которых достойны упоминания Швицгебель, Шпихигер, Луи Пинди (член парижской Коммуны), Мораго, Сориано, Франциско Томас, А. Лоренцо в Испании, Ф. С. Мерлино, А.

Фаджиоли, Ф. Натто, Г. Грасси и еще много других добрых товарищей в Италии, все они поддерживали пропаганду в пользу коллективистического анархизма. Некоторые из них, главным образом итальянцы и французы, начиная с 1876 года, стали развивать идеи коммунистического анархизма.

Они действовали как революционеры, когда это было возможно: испанцы в 1873 году при Алькойи и Сан Люкар де Барромедо, итальянцы в 1874 году в Болонье, Флоренции и Акулийских горах, а в 1875 г. в провинциях Неаполя и Беневенто. Они поддерживали связь между секциями Интернационала в качестве запрещенной подпольной организации в Испании (1874–1881) и в Италии и были близки к революционному восстанию в Испании в 1877 году и к аграрным бунтам по всей Андалузии, этой Испанской Ирландии. Конгрессы, конференции, газеты, брошюры всеми этими путями преданные и настойчивые сторонники анархических идей распространяли их в период глубокой революционной депрессии в 1871–1878 г. г.

Мало ли, много ли, но это все, что могло быть сделано в те годы сокрушительного поражения Парижской Коммуны и падения Испанской республики. Парламентарное отступничество социалистов равнялось полному неверию их в дело революции, неверию, ставшему символом веры вплоть до русской мартовской революции 1917 года, которая научила их тому, что революции все ещё являются реальными возможностями, а не пережитками прошлого и не галлюцинацией анархистов. В те дни торжества милитаризма и дипломатических интриг, подготовлявших «реванш» в дни балканского национализма, вызвавшего первый ряд войн, войн Греции и России против Турции, в дни роста капитализма, создания государства Конго, борьбы за Африку, французского и германского колониального империализма, постоянного расширения английских владений в Южной Африке, Египте, Судане, Бирме, и т. д., большего достигнуть нельзя было. В те годы подлинно либертарный дух, пробудившийся в 60-х годах, снова упал. Я могу привести лишь очень короткий эпизод выступления Евгения Дюринга в Германии, университетского преподавателя экономических наук, который в 1872–1873 г. г. выступил против государственного социализма и в защиту системы федеративных ассоциаций, очень сходной с экономической организацией, предлагающейся анархистами-коллективистами. На мой взгляд, теория Дюринга и возникла под их влиянием и под влиянием Парижской Коммуны, которая была первым крупным выражением недоверия государству и попыткой обойтись без него. Однако Дюрингу самому не доставало либертарного духа и воли. Хотя он оказал влияние в качестве противоядия против марксизма в Германии и, хотя Маркс и Энгельс чувствовали это влияние, как занозу в боку, но как раз та часть этого учения, которая здесь упоминается, меньше всего была понята. Сам автор не очень занимался этой частью своей теории в позднейшие годы, хотя некоторые даровитые его последователи вновь открыли ее и выдвинули ее на первый план 20 лет спустя, в начале 90-х годов, и тем еще раз помогли поколебать веру в

марксизм (к этому я вернусь ещё позднее).

Другим, достойным упоминания, событием была большая забастовка железнодорожников линии Пенсильвания-Огайо в 1877 году, приведшая к столкновению в Питтсбурге и бунтам, которые Элизе Реклю приветствовал, как Питтсбургскую Коммуну, и которые, хотя и не долговечные, отметили собой пробуждение американских рабочих от веры в личный успех и в политическую борьбу. С тех пор социалистическое движение в Соединенных Штатах выдвинуло левые течения, сторонники социальной революции стали выступать против защитников избирательной борьбы и шаг за шагом, более интенсивными стали усилия борцов, пока годы 1881–1886 не принесли с собой расцвет социально-революционной борьбы. Сознательные коллективисты-анархисты, сильнее всего бывшие в районе Чикаго и быстро возраставшие в числе, развивали свое движение быстрым темпом вплоть до трагического периода, начавшегося в мае 1886 года, когда капиталистическая репрессия снова раздавила надежды рабочих на процессе 11 ноября 1887 года.

В конце 70-х годов особые обстоятельства, вроде преследования издававшейся Полем Бруссом газеты «Авангард» и отсутствия сильной группы, которая могла бы принять этот вызов, понудили Кропоткина взять большую часть работы на свои плечи и основать журнал «Револьте» (февраль 1879 г.). В то время существовали лишь чрезвычайно слабые секции в нескольких странах, очень слабые газеты, очень небольшое число активистов, из которых многие были уже истощены тяготами личной жизни, а другие потеряли бодрость духа или соблазнились иллюзиями избирательной борьбы. Правда, велась также борьба, направленная к социальному бунту: недовольство ирландских земельных арендаторов, приведшее ко многим жестоким столкновениям, затем обострившиеся бедствия андалузских рабочих, совершивших несколько отчаянных актов аграрного террора; подобные же настроения замечались среди голодавших тогда итальянских рабочих. Кроме того, налицо была деятельность русских террористов, сосредоточившихся на борьбе против царя, но никогда не перестававших надеяться на восстание крестьян.

К этим реальным факторам следует прибавить, особенно по мнению Кропоткина, твердую веру в то, что возвратившиеся французские коммунары и французские рабочие, пробудившиеся от уныния после сокрушительного удара 1871 года, создадут движение, которое вновь приведет к Коммуне, и что на этот раз Коммуна будет настоящей социалистической Коммуной, и не только в Париже, но и в каждом большом городе Франции. От такой Коммуны можно было ожидать, что она будет самостоятельным организмом для целей экспроприации и что она создаст множество таких же коммун. Такова была надежда и вера Кропоткина в 1879–1882 годах, почерпнутые на французских митингах, где такие надежды действительно находили себе выражение. Кропоткин пришел к заключению, что приближается французская революция, масштаба Великой Революции. Это побудило его высоко поднять знамя и выдвинуть задачи непосредственной экспроприации, вслед за которой должен был придти коммунистический анархизм. Он сделал это впервые в своей статье «Парижская Коммуна», напечатанной 20 марта 1880 года (позднее эта статья вошла в качестве главы в его книгу «Речи Бунтовщика»). В октябре 1879 г. на Юрском Конгрессе он провозгласил: «Коммунистический анархизм, как цель, и коллективизм, как переходная форма собственности» («Револьте», 18 октября 1879 г.).

Таким образом, в марте 1880 года он отбросил мысль о коллективизме, как переходной форме, т. е. мысль о создании нового порядка вещей путем организации распределения в соответствии с количеством работы, выполненной каждым производителем. Он стал на точку зрения, что меры и расчеты должны быть отброшены и что коммунизм, т. е. работа и вознаграждение по усмотрению каждого, должен быть немедленно осуществлен. Сказалось ли здесь влияние Реклю, с которым Кропоткин как раз тогда начал сотрудничать над выпуском, посвященного Сибири тома «Географии» Реклю (том 6-й, 1881, 918

стр.), этого я не могу сказать. В начале осени Кропоткин, посоветовавшись со своими женевскими друзьями Дюмартерэ, Герцигом, Кафиеро и Реклю, предложил Юрскому Конгрессу 1880 года, состоявшемуся в Шо-де-Фон 9 и 10 октября, принять для Юрской Федерации коммунистический анархизм. Это было принято, и с того времени обвинение в отсталости, в сохранении системы наемного труда и авторитарной организации для подготовки и поддержания этой системы, это обвинение стало выдвигаться многими против коллективистического анархизма, который в течение 13 лет был гордостью анархистов и который сам Кропоткин защищал в октябре 1879 года, как переходную форму к более высокой цели, к анархическому коммунизму. Теперь стали утверждать, что применение мерки к труду приводит обратно к власти и что путем накопления сбережений теми, кто выполнял бы больше работы, общество пришло бы обратно к капитализму. В этом усмотрены были зародыши реакций, которые следовало отринуть.

Эта перемена произошла после ухода Джемса Гильома в мае 1878 года. Иначе он мог бы сказать, что лишь очень узкое понимание коллективизма превратило его в теорию постоянного наёмного труда, тогда как для него, а также для испанских товарищей, эта теория была бы лишь системой, обеспечивающей рабочему «полный продукт его труда», иными словами без вычетов в пользу государства и капиталистических эксплуататоров и паразитов, хотя и с вычетами в пользу народного образования, общественных работ, содержания инвалидов и стариков местной единицы или федерации таких единиц. Вне этого, ассоциация или группа свободна была бы в выборе между коллективистической, коммунистической или средней между ними организацией, в зависимости от решения своих членов. Кроме того, Гильом в своих «Мыслях» 1874 г. (1876 г.) определенно рекомендовал постепенный прогресс от вознаграждения за выполненную работу к совершенно свободному пользованию продуктами труда. Он лишь обусловил это зависимостью от производительности, так как свободное пользование продуктами предполагает изобилие их.

Таким образом свобода группы устраиваться по своему усмотрению и серьезное соображение о количестве явились возражениями, выдвинутыми, вероятно, коллективистами (От имени которых говорил Швицгебель), но Конгресс 1880 года не согласился с ними, ибо, как я уже сказал, с коллективизмом казались связанными все возможные опасности реакции. После революции, когда в работу вложен был огромный прилив свежей энергии, а быстрый ход изобретений и сберегавших труд машин привели к накоплению огромных запасов продуктов, были сметены все сомнения, вызванные постановкой вопроса о количестве.

На Кропоткина, кроме того, повлияло принятие термина «коллективизм» французскими марксистами и Бенуа Малонем, а также решительное признание термина «коммунизм» бланкистами. Он ненавидел марксистов, но, подоб-

но многим социалистам тех дней, питал слабость к бланкистам, когда Бланки был еще жив (он умер в конце 1880 года) и считался одним из наиболее уважаемых революционеров тех лет. Так или иначе, но этим путем, совместными усилиями Реклю, который был коммунистом всю свою жизнь, Кафиеро, итальянского коммуниста с 1876 г., и Кропоткина изменение было сделано и не встретило никакой оппозиции во французских, бельгийских, франко-швейцарских и итальянских группах. В Испании же этой перемены не замечали в течение годов. Эта перемена совершенно не привлекла внимания Иоганна Моста, когда он приступил к изложению своего понимания анархизма.

Означала ли эта перемена забвение коллективизма, как единospасающего средства? При том положении, какое существовало в годы 1880–1882, когда усиленная революционная агитация велась во Франции анархистами, наиболее широко охватывающая, наиболее решительная доктрина казалась наиболее способной разбудить народ и заставить его действовать. Коммунистическая идея была в высокой степени приспособлена к этой цели, она представляла все дело таким простым, изображала его так, что все будет достигнуто единым порывом и что никто не остановится на полпути. В своем письме к Юрскому Конгрессу 4 июня 1882 года Кропоткин впервые, по-видимому, ссылается в печати на изречение Бланки, что революцию надо считать неудавшейся, если в течение 24 часов рабочие не почувствуют улучшения в своем положении вполне осязательным образом, и что немедленная экспроприация, переселение в лучшие квартиры, свободный доступ к пище должны осуществиться в срочном порядке. Отсюда возникли бы неслыханное воодушевление и порыв к работе и, таким образом, положено было бы начало организации нашего общества на началах свободного коммунизма, и уже никто не стал бы думать о возвращении к индивидуальным расценкам и вознаграждению за выполненную работу.

В этом историческом очерке я могу только вкратце изложить мой вывод, что это чарующее изображение анархизма, осуществляемого единым махом, ускоренного голодными массами, которые получают немедленные выгоды и после этого всегда уже работают с неослабным рвением и потребляют без корыстной заинтересованности, все это было рассчитано так, чтобы привлечь к анархизму много людей, настроенных так же, как и сам Кропоткин. Однако, эта теория показалась, вероятно, неудовлетворительной тем, кто не пылал подобным оптимизмом. Знакомясь с социалистическими доктринами и жизнью и характерами их творцов, мы находим в них поразительно сходные черты. Так обстоит дело и в данном случае. Кто трудился так неутомимо, как Кропоткин, и пользовался вознаграждением с такой неприхотливой умеренностью, как Кропоткин? Он был типом коммуниста-анархиста, о каком он сам мечтал. Столь же бескорыстным был Кафиеро, таков же был Реклю. Они часто жили одним рисом и сливами и были неприхотливы так, как никто из нас. Те же качества бескорыстия и неприхотливости свойственны Малатесте, но он

имел и имеет гораздо большее соприкосновение с подлинной жизнью, чем любой из названных товарищей, поэтому Кропоткинский оптимизм никогда не удовлетворял его, как мы увидим. На ораторов парижских митингов это производило огромное впечатление, они спешили навстречу анархической идее, никогда не позволяя ей застояться ни на минуту и подвергнуться загрязнению при столкновении с действительностью. Если кто-нибудь говорил, что достаточно 4 часов ежедневной работы, то другой возвещал, что достаточно двух часов. Говорят, что таким образом они дошли до 20 или 30 минутного рабочего дня и что неслыханное изобилие накопленных продуктов сделало бы всякую организацию для продолжения работы ненужной уже в самые ближайшие годы.

В 80-х годах мы наблюдаем кипение нового анархического коммунизма. Принцип ассоциаций по необходимости ослабел под этим импульсом, а принцип организации был поколеблен на долгие годы. Если все доступно в изобилии при минимуме труда, то ассоциация и сотрудничество становятся лишь новым бременем и препятствием к свободному пользованию общественным запасом продуктов. Организация становилась оковами автономии, авторитарной помехой. Лондонский Интернациональный Социально-Революционный Конгресс 1881 года (с 14 по 20 июля) отмечает собою отвержение какой бы то ни было организующей формы, как, напр., Интернационал либертарного типа, какой придал ему Женевский Конгресс 1873 года. Тот же Конгресс признал лишь номинально и против желания некий призрак организации, а в сущности не более, как комиссию с функциями лишь передаточного пункта для переписки в качестве способа интернациональной связи между группами разных стран. Эта организация исчезла, год спустя, и имела лишь кратковременное существование в течение 1881–1882 годов. Другими словами, группы пользовались независимым существованием и считали себя притесненными при одной мысли о задаче, выполняемой по постановлению коллектива групп.

Личная точка зрения Кропоткина была совсем не такова. В тесном контакте с юрскими секциями и французскими секциями Юга, Востока, лионскими и сент-этьенскими группами долины Роны, он всегда стремился вдохновить к совместному действию и организации, но был бессилён сделать это по отношению к парижским группам, группам Юго-запада и Юга Франции, к району от Бордо и Пиренеев до Марселя, где антиорганизационные течения и самые категорические, безусловные формулировки свободного коммунизма менее всего были общепризнанны в движении 1880–1882 годов. То же самое еще в большей степени наблюдалось в годы 1883–1885, когда Кропоткин, Готье и пропагандисты Лиона и Сент-Этьена были в тюрьме, а Жан Грав, никогда не бывший организатором, но никогда не стоявший за полное отрицание организации, отсутствовал в Париже, живя в Женеве в течение многих месяцев и работая над «Ле Революте». Когда Кропоткин был освобожден (январь 1886 г.), он вообразил, на основании того, что он видел в Париже за время своего

короткого пребывания там, что описанные здесь тенденции уже исчезли. Однако это было не так, они продолжали существовать и всегда шли параллельно с его собственными усилиями.

Эррико Малатеста усиленно добивался на Лондонском Конгрессе 1881 г. (душою которого он был и в недолговечной комиссии которого он был самым активным членом) содействия интернациональному сотрудничеству, но группы, стоявшие против всякой организации, главным образом французские группы, оказались сильнее. В качестве революционера и коммуниста, стоявшего за экспроприацию, он в своих итальянских статьях 1884 года защищал, разумеется, идеи коммунистического анархизма, но совсем не в форме той исключительности, которая считала местный или временный коллективизм реакционной тенденцией. Он никогда не стоял за ту нетерпимую форму, которая соглашалась допустить лишь одну форму и устраняла все разнообразие организационных форм. Никогда он не был пропитан тем духом отрицания организаций по принципу, который ожидал всего от самопроизвольных, ментальных комбинаций усилий и считал планомерность, подготовку недопустимыми авторитарными принуждениями. Ни широко распространенный народный диалог «Среди рабочих» и «Программа и организация Международного Общества Рабочих» (оба изданы во Флоренции в 1884 году), ни доктор Мерлино в своих книгах «Анархия» (Флоренция 1887) и «Социализм или монополизм» не высказываются за описанный выше ничем не ограниченный неорганизованный коммунизм, а наоборот, предостерегают против него. В статьях Мерлино того времени такое понимание называется «аморфия», т. е. аморфизм (отсутствие форм). Такое состояние может быть достигнуто на позднейших этапах, когда все станут анархистами, когда полное доверие станет преобладающим среди людей и когда изобилие продуктов будет обеспечено. Но единым прыжком перескочить к этому совершенству прямо от капитализма казалось нереальностью, слишком неправдоподобной, чтобы на неё можно было рассчитывать. Невозможно ожидать, что мировое движение, накопляющее силы для разрушения современного строя, разовьется на почве такого утверждения веры или чаяния. Мерлино выступал в защиту договорных соглашений, на первых шагах соглашений, которые обеспечивали бы более или менее совершенное применение коммунизма в соответствии с местными условиями и по мере постепенного продвижения к более совершенным формам на этом базисе.

Мерлино не слушали. Всякий такой совет, рекомендовавший осторожность, очень многими считался антиреволюционным. Тем не менее в 80-х годах движение на началах коллективистического анархизма или на основах коммунизма (движение Малатесты) были реальными и широкими движениями во многих странах. Укажу на Испанский Интернационал и Испанскую Районную Федерацию Рабочих, непрерывно существовавшую с 1870–1888 года, затем на германское движение, образовавшееся вокруг Иоганна Моста. Несколько

позднее возникло движение рабочих, говоривших на немецком и английском языках в районе Чикаго, в Америке (до трагического периода 1886–1887 годов). Укажу также на большое общественное движение в Австрии с 1881 г. до начала 1884 г., на немецкие группы в Швейцарии в 1881–1885 годах, на итальянские секции, реорганизованные Малатестой и другими в 1883–1884 г., на британское социалистическое движение 80-х годов, созданное анархистами вроде Джозефа Лейна и бывшее, на протяжении многих годов (1883–1890), в тесной солидарной связи с Вильямом Моррисом и Социалистической Лигой (1885–1890). Сюда же относятся группы юго-восточной Франции того времени, когда Кропоткин был в тесной связи с ними (1881–1882); эти группы мало расходились с его взглядами и тактикой, которые никогда не были направлены в сторону антиорганизации и никогда не были аморфистскими, подобно взглядам парижских и других групп.

Сравнительно с 70-ми годами, когда существовали лишь редкие разбросанные, подпольные секции, эти большие открытые общественные движения в Испании, части Франции, Австралии, Англии, части Соединенных Штатов и части Италии являются чрезвычайно замечательными движениями. Анархические идеи и дух были подлинно живы в 80-х годах. Было бы необходимо развивать движение по тем же линиям и прививать этот дух все растущим массам населения. Но общим явлением было то, что такая спокойная и постоянная работа никогда не считалась достаточно успешной с точки зрения тех, кто верил только в пропаганду идей в их самой неограниченной форме и в принятие самых бескомпромиссных способов борьбы. Отсюда возникло равнодушие и даже вражда, как принципиальная, так и личная по отношению к умеренным и организованным движениям. Некоторые участники движения сочли себя вынужденными прибегнуть к актам, которые, хотя и давали им личное удовлетворение, зачастую ценою их собственной жизни, но навлекали репрессии, преследования и приводили к подрыву всего движения в данной местности. По причине этих все усиливающихся правительственных репрессий все движение распалось, загнано было в подполье и уже не возродилось. Позднее, в конце 80-х годов, наступило время, когда осуществилось по крайней мере это желание: анархисты достигли минимума организованности и желали не быть организованными вовсе.

Оглядываясь назад на эти 50 лет, прожитые с 1880 года, нельзя не видеть в настоящее время, что пламенные революционные чаяния того времени выросли из ошибочных суждений. Во Франции, когда установлены были, начиная с 1880 года, свободы слова, собраний, союзов, все социалисты поспешили уйти в политику. Никто и пальцем не шевельнул для борьбы за новую коммуну, зато возник спор за места в муниципальных советах. Аграрные движения в далеких Андалузии и Ирландии были подавлены или отведены в политические каналы, как в Ирландии. Царизм фактически раздавил террористические группы в течение 80-х годов, как это столь патетически показывает Вера Фигнер в своих

воспоминаниях.

Изолированные акты социальной мести по отношению к отдельным жестоким работодателям во Франции, изолированные акты индивидуальной экспроприации в разных странах, изолированные случаи убийства единичных полицейских чиновников в разных местах, даже события огромного масштаба, вроде Хеймаркетских событий в Чикаго 4 мая 1886 года, все это не вызвало коллективных действий, не привело к широким народным движениям сочувствия. Самыми большими событиями были восстание шахтёров в Бельгии весной 1886 г. и бунт лондонских безработных в 1886 году, а также столкновение на Трафальгарском сквере в ноябре 1887 года, но роль анархистов в этих вспышках недовольства, вызванных острой нуждой, была мала, и они чувствовали это повсеместно, в каждом отдельном случае. Таким образом возможности революции в действительности еще не существовали и было бы благоразумно перейти к прямой пропаганде самого открытого и широкого характера вместо того, чтобы попытаться ускорить события путем нескольких индивидуальных актов, воображая при этом, что дело близится к социальной революции, что обыкновенная пропаганда едва ли еще нужна. Это отсутствие правильного понимания было тем более роковым, что в 80-х годах авторитарные социалисты сделали очень большие успехи, создали свои рабочие и социалистические партии, организовали Широкие массы для завоевания свободы и избирательных прав и объединили рабочих в их социалистических синдикатах.

Таким образом, в течение этих 80-х годов большинство анархистов, вольно и невольно, вынуждены были вести существование в форме разбросанных групп, свободных, конечно, от всяких посторонних влияний или вмешательства, но зато отделенных от масс, с которыми, во время Интернационала, они старались быть в тесном соприкосновении. Авторитарные социалисты, слабые и достаточно дискредитированные в течение первых годов упомянутого периода, выдвинулись на первый план и завоевали массы, до которых голос и протесты анархистов доходили со всё возрастающими затруднениями. Я не упускаю здесь из вида, что анархисты делали героические попытки вернуть себе утерянную почву, но после таких попыток те же самые причины отвращение к коллективному, согласованному усилию опять привели их к изоляции и уменьшили их численность.

Итак, последний период коллективистического анархизма в Испании, особенно в годы 1886–1893, представляют собой прекрасное зрелище. Коммунисты-анархисты, в лице некоторых групп, относились к коллективистам с насмешкой и пренебрежением, называя их ископаемыми, но их самих считали чрезвычайно односторонними и примитивными фанатиками. Сами коллективисты, ознакомившись в 1886 году с более соответствующими изложениями коммунизма, с английскими произведениями Кропоткина, главным образом, и услышав позднее, в конце 1891 года, Малатесту во время его испанского лек-

ционного тура, когда он излагал коммунизм в указанном выше духе, пришли к тому, что стали считать это понимание равноправным с их собственным пониманием и сделали заключение, что только будущий опыт сможет решить, кто был прав. Поэтому многие из них придерживались того, что они называли «анархизмом без эпитета», просто анархизма, отказываясь связывать себя и тех, кого привлекала их пропаганда, с какой-нибудь экономической доктриной, еще не проверенной на опыте. Каждую доктрину должны проверить на будущем опыте деятели грядущих времен, и только они могут решить, что правильно, а что неправильно, что следует принять, а что отвергнуть.

Эта беспристрастная позиция, рекомендованная всем группам международного объединения на конференции её 1889 и 1897 годов, не была принята, и на это предложение даже редко обращали внимание анархисты других стран. Они стояли за единое экономическое решение, считая необходимым бороться со всеми другими экономическими взглядами. Религиозные люди поступили бы так же, как они поступили, наука же рассматривала бы все такие предвидения будущего, как простые гипотезы. Она стала бы на сторону испанских товарищей, которые 40 лет тому назад придерживались экономического агностицизма, хотя лично они при этом имели свои собственные экономические убеждения, близкие их сердцу. Однако, они не считали, что их желания или предпочтения были свободны от возможных ошибок.

Те же самые испанские коллективисты-анархисты добровольно отказались от своей старой организации, которая, в сущности была организацией Интернационала 1870 г., в пользу экономической организации агрегата различных антикапиталистических организаций «Федерация Сопrotивления Капиталу», и агрегата групп различных анархических течений «Анархической Организации».

Они были единственными анархистами, которые, начиная с 1886 года, примкнув к американской инициативе, стали готовить первомайские выступления не как простые демонстрации, а по примеру широко распространившихся знаменитых генеральных стачек в Каталонии, в мае 1890 и 1891 г. г. Репрессии после андалузского аграрного бунта в январе 1892 г., равнодушие многих анархистов к согласованным усилиям и жестокие преследования с применением пыток, последовавшие за некоторыми индивидуальными террористическими актами в последние месяцы 1893 года, подорвали дальнейшее развитие этого прекрасного и широкого движения.

Другая сочувственная попытка была сделана Малатестой после его возвращения из Аргентины, где он провел время с 1885 до середины 1889 года, после его побега из Италии. Он вернулся и стал издавать газету «L'Assoziazione». Он же предложил объединить анархические группы в новый интернационал «Интернациональную Социалистическо-Анархическую Революционную Партию». Уже это название показывает, что он был противником всяких односторонних доктрин. В социалистическом анархизме было место для коммунистов и

коллективистов. Слово «социалистический» было прибавлено в качестве указания на то, что речь шла об анархистах, признававших социализацию частной собственности, так как школа американских индивидуалистов-анархистов (Б. Р. Таккер) состояла из анархистов, стоявших за частную собственность и отвергавших все, что носило социалистический характер.

Это предложение Малатесты, благоприветно встреченное в Испании, не нашло никакого отклика в других странах. Даже в Италии, после 1 мая 1891 года и позднейших преследований, принцип организации был отвергнут, хотя и не так решительно, как во Франции. Не следует думать, что я чересчур высоко ценю организацию. Я последний, кого можно в этом обвинить. В очень многих случаях обычные дружеские отношения между группами делают организационные связи совершенно бесполезными: здесь налицо взаимное доверие, сходство взглядов, личные отношения. Отсюда само собой возникает соответствующее сотрудничество, когда к тому представляется случай, совершенно так, как два друга не имеют никакой нужды и формальной связи для того, чтобы помогать друг другу при определенных условиях. Никто не может возразить против этого. Но были также и анти-организационисты, настроенные против даже таких дружественных отношений. Они считали, что их автономии причиняется ущерб каким бы то ни было соглашением или обязательством, требовавшим точного выполнения. В каждом, кто пытался согласовать усилия, они видели диктатора, общественную опасность. Такие преувеличения вставляли палки в колеса всякой солидарной работе.

В общем, эти тенденции к распылению были сильнее в 80-х годах, чем тенденции к координации. Существует, по-видимому, противоречие между этим чрезмерно осторожным скептицизмом, видевшим в наиболее активных товарищах прежде всего будущих начальников и диктаторов, и чрезмерной доверчивостью тех, кто считал, что после социальной революции люди станут продуктивно сотрудничать и что вся задача производства и распределения будет почти автоматически выполняться без дальнейших препятствий и затруднений. Да, это противоречие существует, и оно объясняется склонностью к абстрактным рассуждениям, доводившим до предельных крайностей, какие может построить мысль в каждом вопросе.

Этот ригоризм, пренебрегавший предостережениями Малатесты и Мерлино, подстегнутый несравненным оптимизмом Кропоткина и укрепленный молчаливым согласием Реклю, хорошо понимавшим, что это была лишь переходная ступень, которая будет пройдена тем скорее, чем меньше будет вмешательства со стороны, все это характерно для 80-х годов, когда анархизм, до тех пор развивавшийся в маленьких группах, стал известным и приемлемым для значительно более широких слоев народа, главным образом среди французских, немецких, английских и американских рабочих, которые вложили в него иное понимание, чем малочисленные группы ранних его сторонников.

Я пытался объяснить всё это путём ссылок на подлинные источники в моей

книге «Анархисты и социальные революционеры» (издана на немецком языке в 1931 году, 409 стр.), дающей изложение периода 1881–1886 годов, а также в моей рукописи такого же объема, если не больше, почти законченной и доводящей изложение до периода 1886–1894 годов в разных странах. Изложенное выше представляет собою некоторые из моих выводов. В следующей статье я добавлю еще изложение французского движения периода 1886–1894 годов, а затем перейду к рассмотрению периода 1895–1914 годов в истории наших идей.

Значение произведений Кропоткина. Период 1890–1911 годов. Заключение: период до 1931 года

Толчок, который дал Кропоткин интернациональному анархическому движению своими вдохновенными и хорошо продуманными агитационными теоретическими статьями в «Револьтэ», очень скоро получившими широкое распространение в виде брошюр, был временно ослаблен тремя годами его тюремного заключения, с 1883 до 1885 года. Когда человек твёрдых убеждений оказывается таким образом отрезанным от жизни на годы, то это может повлиять на его здоровье, но вынужденный отрыв от наблюдения жизни и от действия, от повседневного хода событий до некоторой степени возмещается более глубоким изучением и наблюдением вещей в более широком масштабе и с большего расстояния. Даже тогда, когда изучение становится затруднительным, а вести с воли поступают скупо, остается возможность вознаградить себя путем сосредоточенного размышления, изучения идей и фактов и накопления доказательств.

Таким путем Бланки, проведя 40-е годы, потом 50-ые, затем опять 70-е годы в тюрьме, вышел из тюрьмы с крепко пустившей корни системой идей. Бакунин выработал комплекс своих идей, неизменно (с большими исключениями) излагавшихся им в течение боевого периода его жизни с 1864 по 1874 год, тоже, по-видимому, во время своего пребывания в тюрьме с 1849 по 1857 год. В тюрьме же он, по-видимому, привел в систему эти идеи. Кропоткин также воспользовался годами тюрьмы, чтобы подготовиться умственно у меня нет никаких сведений о том, что он, может быть, написал за это время к продумыванию основ анархизма, имея в виду определенную цель: связать анархизм, если не отождествить его, с реальной жизнью, с главным и наиболее широким течением жизни и прогресса, чтобы таким образом установить неизбежность анархизма. На этой основе Кропоткин хотел построить выводы о путях и условиях скорейшего осуществления анархизма и прихода социальной революции, становившихся неизбежными ввиду народного недовольства и банкротства капитализма. Его задача была указать формы этой революции, наметить задачи, предотвратить ошибки, таким образом, чтобы революция привела непосредственно к осуществлению анархизма.

Таким образом, начав с выяснения причин растущего недовольства («Дух бунта», май-июнь 1881 года), указав на подъем молодежи («К юношеству», июнь-август 1880 года), на значение экспроприации (ноябрь-декабрь 1882 года), обращаясь к бунтарям с призывом разрушить старый строй, он теперь присоединяет сюда доказательства того, что новый порядок уже сейчас создается

путем растущей сети добровольных организаций, отодвигающих государство на задний план.

Кропоткин доказывает, что все учреждения, кроме тех, которые созданы жадностью капиталистов и государственным принуждением, обычай и привычки, складываются в направлении к коммунизму. В этом смысле свободно организованное научное общество представляет собою частицу анархизма.

В той степени, в какой библиотека и другие специальные преимущества свободно предоставляются на равных началах всем его членам, посетителям и даже гостям, это ученое общество применяет на практике свободный коммунизм. Таковы же привычки людей, когда их пробуждают от рутины: как в великие дни Французской Революции, они свободно организуются в группы, если не встречают препятствия со стороны власти. Они распределяют продукты на началах равенства, принимая в соображение нужды каждого и с уважением относясь к слабому.

Поэтому революция, когда ей удастся избежать роковой ошибки вручения своей судьбы новым вождям, сделает то, что социально и политически правильно. Революция немедленно приступит к снабжению пищей, одеждой и жилищем всех нуждающихся, путем использования существующих запасов и жилищ, при помощи добровольцев и местных жителей.

Те же люди организуются для производства на тех же началах свободы и удобства. Так как вопрос о пище станет неотложным в первую очередь и так как смена успехов и неудач революции, сопротивление реакционеров и другие препятствия расстроят транспорт товаров, то пища будет добываться на местах путем специальных современных методов. Передовые местности станут независимыми от снабжения их менее передовыми и враждебными округами.

Таким путем Кропоткин связал воедино ряд возможностей, каждая из которых заключала в себе некоторую жизненную реальность в прошлом или в настоящем. В целом, это было лишь его личное понимание того, как события могли бы случиться. Его парижская лекция «Анархия в эволюции социализма», в начале 1886 г., статьи в «XIX Сенчури» за 1887 г., «Научные основы анархии» и «Грядущая анархия», его статьи в «Ле Револьтэ» и «Ла Револьт», вошедшие в его книгу «Хлеб и Воля», и такой же ряд статей, приспособленных к положению в Англии и напечатанных в «Фридом», затем мелкие статьи, речи и лекции в Англии в 80-х годах, во всех этих и затем в позднейших произведениях одна и та же серия ожидаемых событий воспроизводится в одной и той же связи и последовательности, с непоколебимой верой и логикой.

Продовольственный вопрос, включая производства на тестах методами интенсивной агрикультуры, оранжерейное выращивание фруктов, согревание почвы и т. д., будучи разрешен путем такой децентрализации, приводит к подобной же децентрализации в области промышленности. Это вызовет политическую анархию: максимум автономии, минимум взаимозависимости.

«Поля, фабрики и мастерские», книга основанная на статьях 1888, 1890 и 1900 г. г., и «Земледелие» (1890–91) дают изложение этих вопросов.

Когда ультра-буржуазный дарвинист проф. Гексли в лекции, прочитанной в Оксфорде в 1888 г., бросил вызов самой основе социального чувства, Кропоткин ответил тем, что изобразил развитие социального элемента на протяжении всех стадий животной и человеческой жизни в книге «Взаимопомощь». Он приступил к исследованию основы социальных отношений в прошлом, настоящем и возможном будущем в лекции «Справедливость и нравственность» и в своем позднейшем труде «Этика», который ему не удалось закончить. Здесь он намеривался описать три стадии: взаимопомощь, справедливость, равенство и великодушие, основываясь на изысканиях Ж. М. Гюйо. Очевидно, что если период справедливости-равенства соответствует коллективизму, то великодушие, как принцип, исключаящий всякое измерение, соответствует свободному коммунизму. Этика в ее высшем развитии целиком совпала бы с коммунистическим анархизмом.

Историческим примером, подтверждающим все эти концепции, и в то же время образцом грядущей революции, была для Кропоткина Французская Революция, если рассматривать её в её подлинно народной форме, очищенной от авторитарных препонов и ошибок, коренящихся в авторитарном инстинкте и идеологии. Кроме того, зрелище ошибок и неудач авторитарных партий в ходе русских революционных событий 1905–06 годов косвенно отразилось в книге Кропоткина «Великая Революция 1789–1793», напечатанной в 1909 году.

Такова вкратце работа всей жизни Кропоткина. Чем пристальнее я ее изучал в последнее время, тем более я поражался строгостью ее линий и ее целеустремленностью в течение всей его долгой жизни. Эти качества свидетельствуют о силе его убеждений, но не могут придать чисто личной концепции значение общепринятой теории, не подлежащей изменению. Иначе как быть с индивидуальными концепциями всех других анархических мыслителей? Считать, что все они не правы, а прав один только Кропоткин, после которого уже ничего более не осталось сказать?

Разумеется, Кропоткин не предъявлял такой претензии. В предисловии к изложению совершенно иного понимания грядущей социальной перемены к книге «Как мы совершим революцию», написанной Э. Пато и Эмилем Пуже, напечатанной в ноябре 1909 года и переизданной в 1911 году, а в 1920 году вышедшей в русском переводе, в издании «Голоса Труда», Кропоткин высказался о характере и значении социальных предвидений. Он не считал их вредными помехами для свободной самодеятельности народа в день революции. Такое возражение могло бы быть выдвинуто против каждой выдающейся книги по социологии. Он считает полезным показать нам путем таких описаний, как различные системы могли бы действовать. Он считает, что мысль всегда предшествовала осуществлению и напоминает о путях развития воздухоплавания,

где цель, по внешности утопическая, была достигнута на деле. Мы должны научиться не приписывать даже самым лучшим книгам больше значения, чем они в действительности имеют. Книга не есть Евангелие, она содержит только высказывания и предложения, из которых читатель сам должен сделать выбор. У каждого из нас есть своя собственная мечта о будущем. Мы хотим иметь общее представление о революции, а не революционный рецепт. Очертания грядущего общества намечаются для нас в форме равенства, справедливости, независимости и свободного соглашения, и эти формы будут отвечать желаниям. . . Такие же соображения заставили меня 30 лет тому назад разработать набросок социальной утопии в «Хлеб и Воля». Теперь Пато и Пуже нарисовали картину синдикальной утопии преобразования синдикатов для целей борьбы труда с капиталом в производящие группы, самостоятельно преобразующие производство и распределение. В той же картине они изобразили переход государственных и муниципальных функций в руки промышленных, коммунальных и кооперативных групп.

Кропоткин возражает, что всё это ещё не есть анархизм, но одобряет широту взглядов и терпимость авторов по отношению к взглядам иным, чем их собственные.

Эти замечания, изложенные здесь вкратце и без попытки исчерпать вопрос, основаны на письме Кропоткина к Пуже. Последний получил от Кропоткина разрешение напечатать это письмо в качестве предисловия к своей книге, при чем Кропоткин придал своему изложению более точную форму. Предложения синдикалистов о том, чтобы использовать нынешнюю общественную организацию в качестве основы для будущего общества не новая идея. Эта мысль была уже предложена бельгийскому Интернационалу в 1896 году и безоговорочно принята испанским интернационалом в 1870 году. Она сохранялась в качестве излюбленной догмы до 1888 года, но именно эти идеи найдены были слишком застойными и отвергнуты были коммунистами-анархистами в 1876 и 1880 годах.

Кропоткин знал об этом и совсем не стоял за старую идею, но, как мы уже видели, он допускал существование разных типов социального предвидения и свое собственное понимание будущего назвал «Завоеванием Хлеба» «очерком социальной утопии». Именно это я и хочу установить: это одна из социальных утопий, одна из прекраснейших утопий, но это не единственная такая утопия и не следует думать, что только эта утопия правильна.

В таком понимании мы можем наслаждаться каждой мыслью Кропоткина и оказывать ей величайшее внимание, если она действует на наши чувства. При таком понимании значения постоянных и лучших доктрин анархизма я могу сказать: Кропоткин был человек велик, но анархизм ещё более велик. Анархизм существовал до Кропоткина, он живет и развивается во многих формах и после Кропоткина.

Мне кажется, что предыдущее поколение анархистов, например, Бакунин, а

также Малатеста, выросший с ними, вдохновлялись духом 1841 года, духом всемирной революции и братства. Кропоткин находился под влиянием прежде всего европейских войн 60 и 70-х годов и Парижской Коммуны 71 года. Войны были антисоциальным явлением, а Коммуна была трагедией безнадежно защищаемого дела. Осада Парижа выдвинула на первый план вопрос о продовольствии осажденного города.

Такая же проблема встала бы, в случае социалистического восстания в Англии, где снабжение продовольствием зависит от морских перевозок. Всё это создало серьезное, даже ужасное положение.

«Мы, немногие, выступали против всего мира». При таких положениях только мощное развитие всех местных ресурсов может помочь, поскольку помощь здесь вообще возможна. Люди 1848 года видели, как великая новая идея переходила из страны в страну, подобно лесному пожару, но люди 1871 года видели вокруг себя только врагов и умирающих друзей. Первый период был периодом революционного прилива, а второй периодом контрреволюционного отлива.

Бакунин, оставшись один, возобновил борьбу против царя. Дон Кихот, как он сам себя назвал, истинный человек 1848 года, как мы должны его называть. Кропоткин был уже свидетелем жестоких форм этой борьбы, исхода которой не могли решить энтузиасты «хождения в народ».

Террор убил царя, убил также всех террористов. Он оказался неспособным помешать тирании длиться ещё долгие годы, вплоть до 1905 и 1917 г. г. Все это породило в душе Кропоткина, при всем его оптимизме и душевной бодрости, очень горькое и болезненное жизнеощущение.

Он правильно предвидел уже в 1914 году, что при таком положении на долю народов Европы выпадут жестокие страдания и реакция. Он находил утешение в том, что отдавался самой интенсивной работе в местных организациях, в децентрализации и в духе солидарности, который обычно, всего сильнее бывает в местных организациях. На этот дух солидарности он и возлагал надежды, считая, что именно он проделает все эти чудеса немедленного создания коммунистического порядка, интенсивной местной агрикультуры и местной добровольной работы во всех областях прогресса. Он потерял надежду на всеобщность борьбы и уверовал в древнейшую форму связи между людьми, в связь между дружественно настроенными соседями?

Был ли он прав? При нынешнем положении вещей именно эти местные связи слишком часто разрываются, и гораздо более прочные отношения связывают людей одинаковых взглядов и интересов на огромных пространствах и в разных странах. На это и возлагают свои надежды многие. Годы 1880–1930 лежат теперь перед нами, как позднейший период истории. Мы были свидетелями событий этих лет и начинаем понимать работу его внутренних движущих сил, благодаря обилию источников для изучения этого периода. Была ли идея Коммуны важным фактором в социальных чаяниях? Я думаю, что нет.

Государство, мягкое и пассивное, в течение либерального периода до 1870

года, чудовищно выросло после него, а идея самоуправления пошла на примирение с государством. Местные и центральные власти поделили между собою сферы авторитарного управления. Это был период колониальных завоеваний, империализма. Этот дух преобладал также в малых единицах, например, местные, муниципалитеты Лондона превратились в «великий Лондон», в территорию муниципального совета лондонского округа 1889 года. Маленькие национальности стремились стать национальными государствами и получили самостоятельное государственное бытие после войны в 1918 и следующих годах.

Эти государства стали насаждать местную промышленность не в идиллическом гармоничном духе кропоткинской «промышленной деревни», самодовлеющей и дружественной по отношению к своим соседям, а в качестве средств увеличения своей государственной власти с целью дальнейшего роста и завоевания власти над своими более слабыми соседями и соперниками.

Децентрализация, таким образом, создала нечто противоположное солидарности и умножила причины трения и напряженности. Надежды на улучшение заключаются в восстановлении солидарности, в федерации более крупных единиц, в разрушении новых местных барьеров и ограничении, в коллективном контроле недр земного шара, естественных богатств и других преимуществ.

Хотя возможно механически выращивать зерно и фрукты в оранжереях, при искусственном свете и тепле, даже и в наиболее бесплодных северных районах, однако, это способ, к которому могут обращаться поневоле только люди, отрезанные от всего остального мира. Этот способ требовал бы много методических усилий и предполагал бы существование очень странного мира, подразделенного на много районов, еще более отчужденных друг от друга, чем современные европейские государства.

В этих районах люди работали бы в очень различных условиях природы, климата. Общим для всех было бы состояние неравенства, которое привело бы к соответствующему напряженному и враждебному настроению и никогда не создало бы ничего, приближающегося к анархизму. Боюсь, что предвидение Кропоткина не отвечало подлинному духу и тенденциям периода 1880–1930 годов, который еще продолжается. Социалистический дух стремился к универсальности и солидарности до тех пор, пока не был преодолен националистическими интересами в социализме, порожденными районным, парламентарным, избирательным и тред-юнионным социализмом каждой страны. Анархизм, единственный защитник солидарности всего человечества, также стал терять интерес к нему, устремившись к индустриально-деревенской атомизации человечества, проповедуемой Кропоткиным.

Элизе Реклю, всю свою жизнь стоявший за анархический коммунизм, никогда не пытался идти в направлении, взятом Кропоткиным, как не делал этого и Малатеста, да, в сущности, и никто, за исключением очень многочисленных, безоговорочных и нерассуждавших сторонников Кропоткина, которые

считали анархизм воплотившимся в его учении.

Мерлино был первым, открыто выступившим с критикой этого учения в ноябре 1893 г., но его арест в Италии в январе 1894 положил конец его анархической пропаганде. Присматриваясь ближе к старым изданиям, можно заметить, что особые идеи Кропоткина, перечисленные выше, редко осуждались, редко подвергались сомнению, но зато и редко полностью принимались независимыми писателями. В самом деле, все, что он говорил, всегда бывало связано со столькими хорошими идеями, что отвержение этих идей всегда воспринималось, как попытка обнаружить их слабые стороны.

Я думаю, что довольно точно изображу действительное положение в следующих словах: многим мнения Кропоткина казались не подлежащими сомнению истинами, а другим представлялось нежелательным поднимать вопросы, чтобы не ослабить огромное влияние, какое оказывали личность, талант и преданность его своему делу. Кроме того, многие думали, что было просто невозможно ожидать, что он изменит свои взгляды под влиянием критики.

Все это создало в конце 80-х годов период передышки в анархическом движении. Эта передышка не была повсеместной, но охватила значительную площадь нашей деятельности. Несогласные элементы почувствовали себя вне движения, ожесточились и стали подчеркивать пункты разногласий, так как лишь в редких случаях к ним протягивалась дружеская рука.

Коллективистический анархизм, как он представлен был тогда многими членами старой испанской организации, английскими анархистами, вроде фракции старых членов социалистической лиги 80-х годов, Иоганном Мостом и его товарищами в германском движении в Лондоне и Соединенных Штатах в 80-х годах, Густавом Ландауером и другими в новом германском движении начала 90-х годов, был безжалостно отмечен в сторону коммунистами-анархистами, которые считали своим долгом вывести из употребления то, что они считали устаревшей верой.

Та же самая атака по всей линии была направлена против остатков организации. На другом фланге анархизма были выдвинуты индивидуалистические требования на коммунистической основе и отвергнуты. Здесь также методы борьбы выдвинулись на первый план за пределы линий морали, начертанных коммунистами-анархистами. Отсюда возникла жестокая полемика: здесь Мерлино и Кропоткин стояли плечом к плечу, тогда как Элизе Реклю и Поль Реклю выдвинули более широкое понимание задачи. Короче, в то время, как все эти оттенки анархических взглядов могли бы образовать широкий и разнообразный фронт, на самом деле, получилось дробление на множество враждующих фракций, считавших необходимым опровергать точку зрения всех других фракций.

По причине этих расколов первомайское движение оказалось совершенно бессильным во Франции после 1890 года, но оно было внушительным, благодаря генеральной стачке в испанской Каталонии (1890, 1891) и попыткам

сотрудничества анархистов и революционных социалистов в Италии (1891).

Акты насилия и покушения на частную собственность во Франции имели двоякое происхождение — деятельность искренно убежденных экспроприаторов, в роде Дюваля (1885), Пини (1887-1889) и других, и месть за полицейские и судебные жестокости, за дурное обращение с заключенными, ссылки, казнь человека, который никого не убил (Вальян) и тому подобные действия властей, вызвавшие ожесточение и жажду мести (1891–1894).

Это относится также к таким актам в Испании, которые возникли под влиянием казни херецких рабочих, истязаний первых заключенных в тюрьме Монтжуих и т. п. (1893–1896). Подобным же образом и режим Криспи в Италии своими жестокими репрессиями вызвал несколько попыток мести, например, после кровавых репрессий в результате Миланского восстания 1898 г., монтжуихских пыток 1896-7 г. г. и других актов жестокости. То же относится к целому ряду покушений в Германии и Австрии (1882–83), за исключением очень немногих случаев убийств, совершенных по инициативе отдельных лиц в 1882 и 1883 г. г. Все покушения анархистов могут быть отнесены именно на счет таких причин — возмущение против жестокости в большинстве случаев, действия же в связи с индивидуальными экспроприациями только в немногих случаях.

Среди народных движений некоторые выделяются своими значительными размерами — бельгийские бунты осенью 1886 г., великое социальное брожение по всей Италии, особенно в Сицилии зимой 1893-4 г. г., движение херецких рабочих в январе 1892 г., хлебные бунты от Фогии до Милана весной 1898 г., бунты лондонских безработных в феврале 1886 г. Упомяну также большую политическую генеральную стачку в Бельгии в 1893 г. и генеральную стачку в Барселоне в 1902 г., затем «красные недели» в Барселоне в июле 1909 г. (предлог для судебного убийства Франциска Феррера) и в Анконе, а также в городах Романьи в июне 1914 г., где Малатеста опять выступал в роли бойца.

Имели место также огромные стачки, вроде стачки лондонских грузчиков в 1889 г., и много затяжных стачек во Франции, руководимых синдикалистами. Во всех этих трудных испытаниях анархисты и анархисты-синдикалисты внесли свою долю усилий, опасностей, лишений и потерь, но все это не привело к подлинному, широкому революционному движению. Чем дальше, тем больше социалисты и их реформистские рабочие организации оказывались решающим фактором. Этим объяснялся недостаток широкой поддержки и бесплодность многих начинаний, вызывавших большие надежды. Это влияние политического социализма и рабочего реформизма начинается с конца восьмидесятых годов, когда анархисты, настаивая на ненужности организаций, на самом полном осуществлении свободного коммунизма и применении исключительно революционных методов, установили такую степень ригоризма, которая была недоступна и непонятна средним передовым рабочим, как раз в то время, около 1890 г., переживавшим острое недовольство и социально

самоопределявшимся.

Плоды этого были пожаты и использованы политическими социалистами. Только тогда, как это показали английские забастовки 1889 г. и знаменитое первомайское выступление 1890 г., рабочие большей части Европы пришли в состояние небывалого возбуждения, стали выходить на демонстрации невиданными ранее массами и в самых захолустных местностях.

Но как раз в то время, как я уже сказал, анархисты меньше всего имели связей с этим движением (кроме Испании), а политические социалисты, чьи два международных конгресса в Париже в 1889 г. оказались такими недоносками, монополизировали и использовали настроения и интересы рабочих.

Но они зашли слишком далеко и вызвали протест в своих собственных рядах. Так называемые «независимые» (левое крыло) социалисты появились в Германии, Голландии и в Дании в то время как во Франции наиболее рабочая фракция политических социалистов, аллеманисты и многие синдикаты, отвернулись от своих политических лидеров и создали антипарламентарное и чисто социалистическое течение.

Лучшие элементы покинули политические партии в начале 90-х годов. Сначала они подчеркнули свою преданность революционной социал-демократии и бескомпромиссному марксизму, но Энгельс, полностью стоявший на стороне крупнейших вождей, высказался против позиции отколовшихся. Эти группы отколовшихся представлены в Голландии Ф. Домелой Ньювенгаусом и Хр. Корнелиссеном, в Германии Вильгельмом Вернером, Паулем Кампфмеером, Густавом Ландауером и другими, во Франции Фернандом Пеллутье, анархистом, деятельно ведущим работу в синдикатах при помощи решительных людей, выходцев из всех социалистических фракций, вырвавших организованных рабочих из лап парламентских лидеров, вообразивших себя их прирожденными господами.

Италия была вне этого хода событий. Там свободные и энергичные анархисты типа Пиетро Гори и Луиджи Галлеани, присоединили лучших из социалистов к анархизму. Затем наступили годы реакции (1894–1896), а позднее, в 1897 г., Малатеста, вернувшись в Италию, снова убедил анархистов повсюду вести совместную прямую пропаганду. Снова возникли хлебные бунты периода 1898 года и пришли годы репрессий, пока Бреши не совершил царубийство, после чего летом 1900 года, были восстановлены более нормальные условия. Пропаганда развивалась до 1914 года, когда «красная неделя» в Романье, а вскоре после того кампания социалистов-интернационалистов в пользу войны не создала новое положение.

В Голландии либеральный социализм, как назвал его Ф. Д. Ньювенгаус, или революционный коммунизм, как предпочитал именовать его Корнелиссен, стал делать реальные успехи, хотя социал-демократы основывали свои организации повсеместно рядом с организациями анархистов. Несколько лет спустя, в Швеции также появился так называемый «молодой социализм», обя-

занный своим возникновением главным образом работе синдикалистов. Он стал распространяться и пускать корни, жить своей независимой жизнью и процветать. Такое же движение стало развиваться в Норвегии, но в значительно меньшем масштабе, и когда в 1889 году в Дании возникла оппозиция, это движение умерло.

В Германии независимые разделились на революционных социал-демократов, постепенно втягивавшихся обратно в старую партию, и на независимых анархистов, среди которых пользовались влиянием идеи Дюринга о коллективистическом анархизме и их собственные независимые взгляды. Самым замечательным представителем их был Густав Ландауер. Из независимых же образовалась группа коммунистов-анархистов, вроде Бернгарда Кампфмеера, который был пламенным сторонником идей Кропоткина, изложенных в книге «Хлеб и Воля».

В течение нескольких лет продолжалось сотрудничество двух последних групп, представленных берлинским «Социалистом», издававшимся Ландауером, но в 1897 году коммунисты-анархисты пошли своим собственным путем, а Ландауер своим. Этот путь привел Ландауера близко к Прудону и заставил его заинтересоваться в непосредственных анархических достижениях (в жизни, поведении и работе), как это показывает создание им в 1908 году Социалистического Союза, его новые статьи в «Социалисте» (1909–1915), его немецкая книга «Призыв к социализму» (1911) и т. д.

Это была попытка совершенно независимого либертарного мыслителя. Такою же независимостью отличалась деятельность Вильяма Морриса в Лондоне в течение периода 1883–1890 годов его жизни, особенно в Социалистической Лиге (1885–1890). Об этом свидетельствуют «Коммонвил», его знаменитая утопия «Вести Ниоткуда» и много других произведений того периода. Оба они, Моррис и Ландауер, очень хорошо знали Кропоткина и его взгляды, но ни один из них не разделял его надежд на немедленное самопроизвольное рождение коммунистического анархизма, которое Кропоткин считал возможным и желательным и в защиту которого он горячо выступал, а многие из его сторонников надеялись даже увидеть еще при жизни. Оба они, Моррис и Ландауер, считали такую моральную и интеллигентную подготовку необходимой для того, чтобы такие идеи могли осуществиться и получить прочное существование. Таково также было и осталось мнение Малатесты, которое, я думаю, разделяется и всеми серьезными современными анархистами.

Итак, в Германии Ландауер и его друзья пошли своим путем, а коммунисты-анархисты своим. Но постепенно независимые и чисто социалистические синдикаты объединились в Германии в группу, организованную Фрицом Катером и другими. Эта группа, сочувствующая французскому, революционному социализму, после войны познакомилась, главным образом, благодаря Рудольфу Рокеру, с анархизмом, и с тех пор стала содействовать распространению анархизма в своих рядах путем многих изданий, рекомендовавших истори-

ческое и теоретическое изучение анархизма. В качестве горячих поклонников личности Кропоткина, они издали много его произведений, но не были такими безусловными сторонниками идей «Хлеба и Воли», как германские коммунисты-анархисты. Они перевели утопию Пуже, изданную в 1909 году, и упомянутую выше, и она лучше всего отвечала их программе, их чаяниям и надеждам.

Во Франции период 1886–1894 годов был временем появления разнообразнейшей массы анархистов и сочувствующих, активистов, пропагандистов и писателей, среди которой было много интеллектуальной и артистической молодежи, поэтов и артистов. Эти группы оказывали косвенное влияние на тех рабочих, которые уже отворачивались от политического социализма и становились в сторону синдикализма.

Но период покушений, годы 1892–94 причинили много потерь вследствие казни, ссылок на каторгу, осуждений в тюрьму и изгнаний. Потерь было так много, что летом 1894 года, после смерти Карно от руки молодого итальянского пекаря Санте Казерио, после исключительных законов, наступил период истощения сил.

Хотя полное уничтожение движения (путем задуманных высылок в Африку) было предотвращено, благодаря оправдательным приговорам на большом процессе 30-ти, все же оставалось сознание, что все эти события не подняли народ на выступления.

Зимой 1894–95 изгнанники, находившиеся в Лондоне, собрались для обсуждения нового положения. Некоторые из них, в том числе Эмиль Пуже, редактор очень популярной анархической газеты в Париже «Le Pere Peinard» (1889–94) стояли за возобновление работы среди синдикалистов, где Фернанд Пеллутье, сам бывший анархист, подготовил для них доброжелательный прием.

Однако, другие синдикалисты, пришедшие из рядов политических социалистов и бланкистов, также присоединились и стали влиятельными. Таким путем неизбежно наступил момент, когда, при всем большом таланте, энергии и воле Пуже и других анархистов, работавших в Генеральной Конфедерации Труда, они оказались менее способными работать для анархизма среди синдикалистов, чем они рассчитывали и чем принято было думать.

Это привело к суровым суждениям о синдикализме со стороны многих анархистов, когда первые радости работы в массовых организациях поблекли. Разумеется, прежде существовали и чисто анархические синдикаты, вроде синдиката столяров. В синдикатах, куда входили рабочие одной и той же специальности, но различных социалистических взглядов, естественно, люди выдвигались благодаря своим личным качествам и трудолюбию. Таких работоспособных людей с течением времени создалась целая группа, и они отличались друг от друга не менее, чем члены какого-нибудь парламента. Здесь была рабочая дипломатия и рабочий парламент скорее, чем организация, воодушевленная подлинно революционной волей.

Джемс Гильом, из Юрской Федерации, вернулся к работе в 1903 или 1904 году и посвятил все свои силы и знания работе среди синдикалистов, а также поднял деятельность синдикалистов в разных частях Швейцарии. Но застойный характер французского синдикализма становился всё более очевидным и был подвергнут критике Луиджи Бертони, более 30 лет состоявшим редактором женеvских газет «Reveil» и «Risveglio», также доктором Пьеро, в настоящее время состоящим издателем «Plus loin» (Париж), затем в брошюрах, которые издавал Жан Грав и которые были продолжением старого «Revolte» 1879 г., и многими другими.

В течение всех этих лет анархисты имели свои собственные газеты «Temps Nouveaux», «Libertaire», «L'anarchie.» Произведения индивидуалистов печатались под редакцией Э. Арман, но перемена, происшедшая вскоре после дела Дрейфуса, была одной из причин, почему прежнее преобладающее влияние их движения, существовавшее с 1892 до 1894 года, никогда уже более не возрождалось.

Элизе Реклю, которого вынудили жить в Брюсселе после 1894 года и который умер в 1905 году, оставил по себе большой пробел в движении, а влияние Кропоткина, за время его долгого отсутствия, стало ослабевать. В анархической литературе было больше рутины и повторений, чем оригинальности в течение всего периода до 1914 года, и писатели уже предчувствовали катастрофический перерыв в свободной интеллектуальной жизни.

Что касается Англии, то слабые силы остатков Социалистической Лиги и группы «Фридом», организованной в 1886 году Кропоткиным, доктором Мерлино и английскими товарищами, объединились в 1895 году, но постоянная мирная пропаганда, вплоть до 1914 года, имела очень узкие границы в смысле силы и распространения, хотя ежемесячная газета «Фридом» выходила непрерывно (1886–1927).

Кропоткин оказал ей некоторую помощь, но он постепенно все более уходил в свою русскую работу, в русские газеты анархистов-коммунистов группы «Хлеб и Воля», в работу и исследования. Он погрузился в изучение Французской Революции и русской революции 1905 года, наглядно изображавшейся перед ним во всех формах благодаря посетителям, письмам и газетам. Анархизм открыто пропагандировался в России в течение некоторого времени, и движение стало постоянным благодаря работе значительного числа активных групп. Мне не приходится здесь объяснять, что в России существовали другие тенденции рядом с тенденцией близких друзей Кропоткина. Среди них нужно отметить Черкезова, Шапиро и Гогелия, и существовали различия во взглядах, главным образом по основным вопросам тактики.

В те годы идеи Л. Н. Толстого находили сторонников по всей Европе и его критика государства, насилия и войны оказывала значительное влияние на общественное мнение. Его голос также умолк в мрачные годы, предшествовавшие войне.

В Соединенных Штатах движение, после Чикагской трагедии 11 ноября 1887 года, прошло через сильную депрессию, только Дайер де Лум, Вильям Холмс, Иоганн Мост, Роберт Райцель (издатель детройтского «Arme Teufel») и некоторые другие остались верными. Молодая группа, в которой стоял доктор Мерлино, стала издавать в 1892 году «Solidarity» (Нью-Йорк). Итальянская группа, которой также помогал Мерлино, начала выпускать «Grido degli Oppressi», испанские товарищи ещё раньше основали «Despertar». «Freiheit» продолжала выходить. Некоторые другие немецкие газеты, по большей части стоявшие в оппозиции к Мосту, также существовали уже в то время. Эмма Гольдман и Александр Беркман были тогда в оппозиции к Мосту. Беркман лично напал в Питтсбурге на Крика, директора Карнеги, и ударил этого крупнейшего представителя капитала. Это было в дни очень трудной забастовки, привлекавшей к себе симпатии рабочих, но не надолго заинтересовавшей инертные массы, давшие повесить чикагских анархистов, подобно тому, как 10 лет спустя они позволили казнить на электрическом кресле Сакко и Ванцетти.

Беркман провел в тюрьме несколько ужасных лет, но покинул тюрьму духовно не сломленным и возобновил свою деятельность в одном из главных течений движения, непрерывно развившегося после своего возрождения в 1892 году. Я помню длинный ряд прекрасных газет: «Agitator», «Solidarity», «Firebrand», «Free Society», «Mother Earth», «Discontent» и другие, а также газету индивидуалистов «Liberty» (В. Р. Таккер, 1881–1907). Помню также влияние человечности Уолта Уитмена и его друзей, «Conservator» в Кемдене, Нью-Джерси, газеты о личной и половой свободе, «Lucifer» и другие газеты анархистов сторонников единого налога («Twentieth Century»), около 1890 года. Помню их разрастающуюся борьбу за высокие цели. Помню также работу итальянских анархистов на протяжении многих лет, начиная с 1895 года в «Questione Sociale», (временно издававшейся также Малатестой) и «Era Nuova», «Cronaca Sovversiva», «Аврора» (1903–1919) и так далее. Педро Эстев и Луиджи Галлеани были здесь наиболее крупными фигурами.

Но выше всех вершин в области либертарного чувства и художественной красоты стояла Вольтерина де Клейр (1866–1912), впервые вдохновленная чикагской трагедией и идеями Дайера де Лума. Ей принадлежит незабываемая заслуга в том смысле, что в своей лекции об анархизме, прочитанной в Филадельфии в 1902 году, она выступила в защиту равенства всех направлений анархизма. Эта широта ее взглядов объективно ставит ее, по моему мнению, выше даже самых верных и энергичных сторонников единой и единственной доктрины, пренебрежительно относившихся ко всем другим толкованиям.

В Италии очень много молодых и активных элементов выступили на первый план. Из них упомяну Пьетро Гори, Этторе Мулилари, Луиджи Фабри, Паоло Шикки, Эдуарда Милана (последний был немного старше) и т. д. С 1913 года до июня 1924 года Малатеста еще раз организовал широкую кампанию пропаганды, издавал газету «Volonta» (Анкона) и был душой движения в Романьи,

которое усилиями реформистов было доведено до поражения.

В Испании, после казни в Монтжуихе, после пыток и высылки заключенных в Африканскую каторгу, после изгнания многих активистов (испанской национальности) в Англию, в 1897 году, в защиту прав человека был организован ряд непрерывных кампаний усилиями Жуана Монтсени (Федерико Уралес), в настоящее время состоящего издателем «Revista Blanca» (Барселона) в Мадриде и своих собственных газет.

Оставшиеся в живых заключенные из Монтжуихской тюрьмы 1896 года, участники бунта в Херене 1892 года и жертвы преследований Мано Негро 1882–83 годов были, наконец, освобождены. Рабочая Федерация (анархическая) была вновь основана в 1899 году, и Барселонская Генеральная стачка 1902 года стала самым крупным событием в жизни труда того времени.

В анархической печати, помимо Ансельмо Лоренцо, всегда на первом плане был также Рикардо Мелло, один из первых прудонистов, в то время бывший убежденным коллективистом. Он был одним из последних, согласившихся воспринять коммунизм, но и после того он продолжал отстаивать равноправие всех подобных экономических концепций и доказывал невозможность предвидеть форму организации людей в будущем обществе. Он настаивал на том, что преждевременно установленные решения экономических вопросов окажутся бременем для будущего. Не было человека, который тверже стоял бы за свои убеждения, чем Мелло, но именно по этой причине он считал необходимым уважать мнения других и требовал такого же уважения к своим собственным убеждениям.

Сильное движение развилось в Аргентинской республике. Его происхождение можно проследить вплоть до 60-х годов. Оно пережило влияния французского, испанского и итальянского социализма и анархизма. Малатеста активно выступал там, также Пьетро Гори, Жозе Прат и много других активистов из Испании. Здесь коллективисты и коммунисты научились, в 80-х годах, жить бок о бок.

Проблема организаций широких масс в новой стране была правильно поставлена на обсуждение не сверху, а с низов, с действующих групп, сформировавшихся под влиянием местных условий, вступавших в сношения между собой и сотрудничавших друг с другом, когда к тому представлялся случай. Во многих отношениях Аргентина была той страной, где анархическая пропаганда и деятельность среди рабочих шла рука об руку, ибо многие из тех вопросов, которые всех нас тяготят в Европе, здесь не существовали.

Постепенно авторитарный социализм и здесь стал раскалывать рабочих, влияние иностранных капиталистов стало свирепым. В наши дни, в сентябре 1930 года, благодаря этому влиянию возникла та военная диктатура, которая уничтожила или, лучше сказать, принудила к вынужденному молчанию самое цветущее из современных анархических движений. Такое положение не может долго длиться.

На Кубе, где анархизм, ввезенный из Испании, развивался, начиная с 80-х годов, это движение также подвергается теперь ударам диктатуры Мачадо, как аргентинское движение под ударами Урибуры. В довоенные годы наиболее верными выразителями анархизма были люди вроде Малатесты, Ф. Домелы Ньювенгауса, Густава Ландауера, Луиджи Бертони, Луиджи Галлеани, Александра Беркмана, Эммы Гольдман и других, рядом с Кропоткиным, которого плохое состояние здоровья и русские дела удерживали несколько вдали от активной работы. Были также анархисты, целиком слившиеся с синдикалистами и потерявшие веру в прямую анархическую борьбу и интерес к ней. Таковы были Эмиль Пуже, Джеймс Гильом, а также Хр. Корнелиссен, который никогда не имел такой веры, но готов был придти к соглашению и действовать вместе с революционными коммунистами и коммунистами-анархистами. Были также молодые образованные анархические мыслители, главным образом во Франции и Италии, от которых можно было ожидать некоторого содействия подлинному прогрессу в области идей.

Однако, нельзя пройти молчанием тот факт, что ни один из всех этих талантов не подал сигнала тревоги против двух тенденций в общем анархическом движении против рутины и специализации. Рутинность была здесь налицо в том смысле, что теперь мы имели несколько превосходных книг, много хороших брошюр, жизнеспособные газеты с постоянными редакторами и регулярно платившими подписчиками, хорошими ораторами, устраивали иногда конгрессы и даже, после Конгресса 1907 года в Амстердаме, организовали Анархический Интернационал.

Это удовлетворяло многих, и такое положение сохранялось автоматически из недели в неделю, из года в год. Это была жизнь в спокойствии и удовлетворении, которые годились бы для консервативной партии, но не могли иметь большого значения для анархизма, для живой идеи, которая никогда не может успокоиться на лаврах прошлого, на результатах, описанных в старых книгах или на резолюциях минувших конгрессов.

Слишком мало оставалось дела, и это создало специализации антисиндикализм, антимарксизм, антимилитаризм, неомальтузианство и сексуализм, натурализм, самый крайний индивидуализм, экспроприационизм и жизнь за пределами общества, уединение в вегетарианских и других маленьких колониях и проч.

Одним словом, возникло множество специальностей, поглотивших тех, кто ими интересовался, и лишивших широкое движение их содействия. Другим источником смуты было то, что эти люди стремились внести свои специальные интересы в широкое движение. Коротко говоря, все эти виды деятельности, среди которых были превосходные формы движения, создали видимость того, что все очень заняты в нашей среде. А между тем, мы мало заботились о подлинных задачах этого периода, когда война 1914 года, наряду с технической подготовкой, подготовлялась также идейно тысячами открытых и скрытых

путей.

Налицо был также возродившийся культ национализма, порождение ложного и грубого индивидуализма и преклонения перед энергией, постоянного усиления вражды и предрассудков среди больших народов, смеси различных социалистических взглядов с хорошими и плохими качествами наций, как будто каждый француз был либертером, а каждый немец сторонником авторитарного начала.

Свободомыслелие подрывалось философией Бергсона, подготовкой фашизма произведениями Маринетти в искусстве (футуризм) и Жоржа Сореля в социальной политике, этого человека, который оскорбил казненного Франциско Феррера. Анархисты недооценили всего этого, отмечая все в сторону с презрением или не замечая этих тенденций. Они считали, что все эти явления их не касаются. Можно сказать, что они систематически подвергались влиянию господствовавших в Европе идейных течений и морально отравлялись ими в течение десятилетия, предшествовавшего войне.

Как раз в это время, после обратившего на себя внимание всего мира разоблачения милитаризма, благодаря делу Дрейфуса, после разоблачения империализма в результате жестокого и вероломного сокрушения южно-африканских республик властью британских капиталистов, началась борьба в огромном масштабе между властью, пойманной на месте преступления, и человечеством. Власть, под влиянием угрозы, стала искать спасения в войне, когда все лучшие элементы человечества начали презирать власть.

Для свободы приблизился тогда час, когда можно было принять вызов и вести борьбу в крупном масштабе с большим шансом на успех, ибо люди были действительно морально возмущены против власти в те годы с 1898 до 1901, когда они каждый день убеждались в том, что власть может жить только жестокостью и преступлением.

Но этого не случилось по настоящему, а наоборот: после того, как маленькие бурские республики были задушены, большие государства стали выказывать свои симпатии к маленьким европейским народам, сообразно со своими особыми интересами и военной политикой. Некоторые анархисты увидели в этом тенденцию к децентрализации и федерализму и были совершенно счастливы.

Всеми путями человечество подвергалось тогда одурачению. Государственная власть и милитаризм, столь опозоренные несколько лет тому назад, были реабилитированы. Национализм с жестокой уверенностью и твердостью подавил интернационализм. Например, трения среди французских синдикалистов, руководимых Жуо, и немецкими реформистами-синдикалистами, руководимыми Легиеном, едва ли были менее острыми, чем вражда между французскими и немецкими правительствами.

Война считалась роковой неизбежностью даже среди анархистов, вроде Кропоткина. До последнего момента ее рассматривали здесь, как глупость и преступное безумие. Затея казалась до такой степени нелепой, что ее считали

невероятной и даже невозможной. Так смотрел на дело, между прочим Малатеста. Войну считали также чисто буржуазным делом, не представлявшим никакого интереса для социалистов и анархистов, как будто могут быть специально буржуазные землетрясения, буржуазные эпидемии и тому подобное, безопасные для рабочих.

Так произошло то, что несмотря на всю напряженность международных отношений, как раз в августе 1914 года, когда началась война, международный социалистический конгресс (моральным главою которого был бы Жорес, подло убитый 31-го июля) имел состояться в Вене, а интернациональный Анархический конгресс имел быть в Лондоне.

Эти две даты являются осязаемыми доказательствами того, как далеки были от действительности и социалисты, и анархисты в решительные часы надвигавшейся мировой катастрофы.

Я не могу войти здесь в подробное обсуждение этого рокового довоенного периода 1901–1914 г. г. Приведенный выше очерк может объяснить, почему я думаю, что мы, анархисты, все без исключения, не стояли на высоте задачи, лежавшей тогда на нас. Мы должны были понимать, что наше дело может прогрессировать лишь в либеральном, гуманитарном мире, способном развивать здоровые и полноценные элементы, которые могли бы расширить и укрепить наши слабые ряды, а не в мире, отравленном реакцией, огрубевшем и гниющем, каким мир представляется сейчас, после возрождения авторитарной власти в 1931 году.

Война застала нас совершенно неподготовленными. Каждый оказался предоставленным самому себе и должен был действовать так, как он думал и делал в течение многих лет до войны. Кропоткин и его друзья поступили так, как говорили и писали и как они думали в течение многих лет. Малатеста оставался подлинным интернационалистом, каким он всегда был с 1871 года. Также поступили Себастьян Фор во Франции, Бертони в Швейцарии, Луиджи Галлеани и Эстев в Соединенных Штатах, Лоренцо в Испании, Ландауер в Германии, Ньювенгаус в Голландии, Эмма Гольдман и Беркман в Соединенных Штатах, Томас Килл в Англии, а также русские и другие товарищи во многих странах.

Позднее победа большевиков опять внесла раскол в анархическое движение. Одни из анархистов соблазнились, а другие сохранили ясность мысли. Потом пришли годы очень близких, по-видимому, возможностей для анархистов в Италии (1919–1921) и в Испании (приблизительно в тот же период и немного позднее).

В обоих случаях это было положение, когда сотни тысяч людей можно было побудить к действию, а миллионы других, руководимых политическими социалистами, остались пассивными, прошли мимо этой возможности действовать и, таким образом, дали возможность возникнуть самой грубой диктатуре Муссолини и итальянскому фашизму, а также испанской Директории, возглавлявшейся генералом Primo de Rivera. И до сих пор еще цепи, которыми

скована Италия, держат в неволе великую и свободомыслящую нацию.

Привели ли все эти события анархистов к пониманию того, что, быть может, традиция и рутина не могут освободить от необходимости постоянного исследования, новой творческой работы, которая должна привести нас в соприкосновение с событиями этого жестокого и авторитарного века, так страшно отличающегося от либерального XIX века, от радикального столетия, когда наши идеи росли и распространялись? Мы не можем исправить это положение, открыв доступ для авторитарного духа и позволив ему проникнуть в наши ряды, как это делают платформисты и им подобные. Мы можем улучшить положение, по моему мнению, только путем возобновления связей с еще не пробудившимися, а также с распыленными и отошедшими в сторону либеральными и гуманитарными резервами человечества.

Эти резервы существуют, они стонут под ударами этого жестокого, механизированного, огрубевшего века. Они все же могли бы восстать и придать либеральный поворот так же и этому веку, как это сделали их предки 100 лет тому назад. Ведя борьбу при Робеспьере, при Наполеоне и в эпоху клерикальной реакции с 1792 до 1813 года, они дали XIX веку период с 1830 до 1901 года.

Теперь, как и тогда, радикальное движение должно стать универсальным. Анархический мир не должен унижить свое достоинство, если анархисты хотят быть в первых рядах движения, подобно Прудону, Бакунину и Реклю в их времена. Отравленная атмосфера должна быть освежена чистым воздухом, иначе анархизм не сможет развиваться, когда все вокруг него гибнет.

В этом направлении, как мне кажется, перед нами много работы. Мы не сможем отстоять свои позиции и развиваться, если будем придерживаться рутины. Как ни люблю я изучать и записывать историю нашего движения, все же я делаю это не для того, чтобы видеть повторение старого, а для того, чтобы дать толчок движению вперед от прошлого.

Меньше всего может либертарное понимание искать отдыха в какой бы то ни было момент движения и представлять себе, что оно достигло последней степени совершенства. Много хорошей работы сделано в прошлом. Я пытался набросать здесь историю этой работы, но еще много такой же работы лежит впереди. Движение подает надежды, оно идет в правильном направлении, но оно не должно топтаться на месте, как оно это делает, по крайней мере, так мне кажется, в настоящее время.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

23 октября 2012

Макс Неттлау

Очерки по истории анархических идей

1931

Опубликовано в одноименном сборнике 1951г., Детройт

Сохранено 23 октября 2012 года из **flibusta.net**